

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

НАШ ГРЕШНЫЙ МИР

Никаких запретных тем.
Остросюжетная проза О. Володарской

Ольга Володарская
Наш грешный мир

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Володарская О. Г.

Наш грешный мир / О. Г. Володарская — «Эксмо»,
2018 — (Никаких запретных тем. Острсюжетная проза О.
Володарской)

ISBN 978-5-04-097754-3

Благополучная жена адвоката и мать очаровательных близнецов Анна Моисеева. Светская львица, прожигательница жизни и убежденная холостячка Ева Шаховская. Ученая дама, серая мышка Мария Корчагина. Наследница огромного состояния, невезучая в любви Катерина Бердник... Эти женщины были очень разными и вряд ли встретились бы. Но они узнали друг о друге, когда оказалось, что все они имеют отношение к утерянной сто пятьдесят лет назад венчальной диадеме дома Романовых. Стоила она баснословно дорого, разыскивалась многими, а того, кто больше остальных жаждал ее заполучить, убили! Но поиски продолжились...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097754-3

© Володарская О. Г., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть первая	6
Катерина	6
Маняша	18
Ева	23
Аня	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ольга Володарская

Наш грешный мир

Все персонажи и события этой книги вымышлены. Любые совпадения случайны.

© Володарская О., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Часть первая «Загадочные незнакомцы»

Катерина

Она смотрела на свое отражение и не понимала, почему в зеркале видит грустную, побитую жизнью тетку. Если бы не крупные бриллианты в ушах, Катерину можно было бы принять за кассира из социального супермаркета или вагоновожатую. Еще не старую, довольно привлекательную, но уставшую от безденежья и невзгод.

Катерина встряхнулась. Вытянула шею, которая, если за ней не следить, собиралась складками, чуть повернула лицо. Оно было широким, но в полупрофиль смотрелось прекрасно из-за четких скул. Приняв свою «рабочую позу» (она фотографировалась только так), растянула губы в улыбке. Лучше. И все равно недостаточно хорошо – глаза тусклые. Катя потянулась к пузырьку с искусственными слезами, но тут же убрала руку. Каплями тут не поможешь. У женщины глаза горят, когда она влюблена, а сердце Катерины Бердник, увы, было свободно.

В дверь постучали.

– Кто? – крикнула она.

– Я, – ответили ей. – Меня впустила Лидия... – Так звали горничную Катерины. Кроме нее и самой хозяйки в квартире обитал племянник, Симон Бердник. Катя думала, это он явился, чтобы помириться – они вчера повздорили, пока не услышала отклик. За дверью стоял давний друг семьи Бердник, Константин Борисов.

– Будь добр, подожди меня в гостиной, я выйду через пять минут.

– Хорошо.

– И попроси Лидию приготовить нам чай.

– Я уже распорядился.

– Ишь ты, распорядился он, – буркнула Катя себе под нос. – Хозяйничает уже как у себя дома...

Она употребила слово «уже» не просто так. С недавних пор Константин сменил свой статус, став не просто другом семьи, но и женихом Екатерины. Свести их долгие годы пытался отец невесты Александр. Он считал, что нет более достойного кандидата на роль мужа, чем его лучший ученик.

Александр Глебович Бердник был доктором наук, профессором. Живя в Америке, он читал лекции в знаменитом Массачусетском технологическом институте, а вернувшись в Россию, в Московском политехническом. Там он и познакомился с Константином. Юноша подавал большие надежды, и Александр Глебович взял его под свое крыло. Борисову тогда было двадцать восемь. Катерине на пять лет меньше. Оба на тот момент были свободны, но друг в друге не заинтересованы: она зализывала раны после краха своей первой любви, он увлекался лишь наукой. Однако дружить молодым людям ничто не мешало, и они иногда вместе ходили в кино и театр. Как-то выбрались на лыжную турбазу, но неспортивный Борисов на первом же, детском, спуске свалился, подвернул ногу и сломал палку. Катя хохотала, а он дулся на нее из-за этого, поэтому, когда в следующий раз Катя позвала его покататься на лошадях, отказался. Костя своей неуклюжести стыдился и остро реагировал на насмешки. Это Кате в нем не нравилось. Самоиронию она считала одной из самых привлекательных мужских черт. Разбивший Катину сердце Димасик довел искусство насмешки над самим собой практически до совершенства, сделав своей «фишкой». Он постоянно попадал в неловкие ситуации, причем прилюдно, но выходил из них с блеском. Вышучивал сам себя, и остальные, когда он неуклюже

ронял в суп толстые очки, а потом никак не мог их выловить, или налетал на столб, угодив лицом аккуратно в объявление о предоставлении сексуальных услуг, смеялись не *над ним*, а *вместе с ним*. У Димасика было зрение минус девять. И большие красные уши. Над этой своей особенностью он тоже шутил – говорил, что уши уравнивают тяжесть гигантских очков, которой иначе не выдержал бы нос.

Катя познакомилась с Димасиком на катке рядом с домом. Каток был бесплатным (энтузиасты заливали футбольное поле), поэтому его оккупировали дворовые мальчишки-хоккеисты. Они гоняли по льду как бешеные, сметая всех и вся на своем пути. Димася был не первой жертвой юных спортсменов, но единственным, кто не смог потом добраться до бортика. С него слетели очки, и он почти ослеп. Катя вызвалась помочь бедолаге.

– В следующий раз привяжу к ушам резиночками, – засмеялся Димася, опершись на руку девушки. – Как варезки...

– У вас запасные очки есть?

– Дома.

Она проводила его. Оказалось, живут по соседству. Когда Димася надел очки, то пораженно воскликнул:

– Какая ты красавица! Я и не думал, что меня опекает такая девушка...

Катя засмузилась. Красавицей ее еще не называли. Разве что отец, души в ней не чающий. Вообще-то она была скорее милой. Мягкие светло-голубые глаза, открытая улыбка, вздернутые бровки – все это красило ее. Но портили: нос картошкой, выпуклый лоб, широкая челюсть. Одну из своих отрицательных черт она умело маскировала прической, однако все равно две оставались. Темно-каштановые кудряшки могли закрыть лоб, но никак не нос и тем более подбородок. И все же Катя не была лишена привлекательности. И фигурой удалась: невысокая, пропорционально сложенная, плотненькая, она не страдала ни излишней худобой, ни полнотой.

– Теперь как честный человек я обязан на вас жениться! – выдал Димася, чем вызвал у девушки улыбку.

Не такого мужчину она представляла рядом с собой. Ее тянуло к крупным, чернявым, басовитым. Новый же знакомый был худ, рыжеват, чуть пискляв. Только глаза красивые. Сейчас, увеличенные толстыми стеклами очков, они казались по-рыбьи выпуклыми, но на катке все было иначе: изумрудно-зеленые, миндалевидные, опущенные темными ресницами, они притягивали.

Димасик напоил свою спасительницу чаем с бутербродами. Белый хлеб, масло, больше напоминающее маргарин, варенье из вишни... С косточками, которые приходилось аккуратно выплевывать. Но Катерине очень все понравилось. В их доме такого к чаю не подавали. В те времена они жили еще не роскошно, но уже обеспеченно. Отец запатентовал несколько своих изобретений, и денежки на его счет капали регулярно. Да не рубли, а доллары. Поэтому дома они ели бутерброды с салями, трюфельной пастой, а если сладкие, то с диковинной тогда «Нутеллой». После чаепития Димасик (так называла его мама, накрывшая им стол, милейшая женщина) пошел провожать Катю до дома. Они о многом говорили. Оказалось, не только живут по соседству, но и учатся в одном университете. Только Дима заочно, потому что нужно работать. Трудился он на рыбокомбинате: сортировал сырье, или, как сам говорил, «крутил селедкам хвосты». Рассказывал об этом легко, с юмором, умалчивая о том, как тяжело таскать ящики, тазы, бочки с рыбой и бороться с тошнотой, когда попадается тухлятина.

Перед расставанием молодые люди обменялись номерами телефонов, тогда еще городских – мобильных не было. Димасик позвонил уже через пятнадцать минут, как только вернулся домой. Они поболтали полчаса. Кате очень понравился этот юморной очкарик, но она не влюбилась в него с первого взгляда. Чувство пришло позже – недели через две, и накрыло с головой, как шквалистая волна. И Катя знала, о чем говорит, поскольку в двенадцать лет

случилось с ней такое... Бердники тогда отдыхали на Гавайях, она бродила по пляжу, собирая ракушки и выброшенных на берег морских звезд. Океан всегда неспокоен, но в тот день был особенно бурным. Катя не заметила, как зашла за огромный валун, что разрезал волны. Она стояла по колено в воде... всего лишь... но вдруг... Волна. Гигантская! Она сбила девочку с ног. Поднявшись, Катя побежала в сторону берега и почти достигла его, но тут набежала следующая. Валун разрезал ее на две, и бурлящая вода накрыла Катю. Ее засосало, закрутило, бросило на камни. Хорошо, что поблизости оказались сёрфингисты и вытащили Катерину. Она была в шоке. Икала и плакала. Бок был весь изодран. Нога в синяках. Но когда девочка немного пришла в себя, то ощутила восторг. Такое приключение...

Любовь к Димасе напомнила ей тот случай. Новое чувство, как океанская волна, подхватило, закрутило и понесло... Оглушило и ввергло в шок! Да, очкарик ей очень нравился, но как человек. Ее даже не смущало то, что он «крутит хвосты селедкам». Это же временно! Если б ее отец был снобом, она бы напряглась, но Александр Глебович сам, пока учился, дворником подрабатывал и никогда не скрывал данного эпизода своей биографии. Дело было во внешности Димаси. Ладно бы просто невзрачный, но нет, он был откровенно непривлекательным. Без очков еще ничего, но вот в очках... Не таким Катя себе представляла парня, который станет ее первой взрослой любовью. До этого она увлекалась только красавчиками, и вот угораздило ее... Худой, ушастый, полуслепой паренек, от которого пованивает рыбой.

И все равно он казался Кате самым лучшим! Как и она ему. Но если Катя была сдержанна в проявлении эмоций, то Димасик своих чувств не скрывал. Восхищался неустанно ее красотой, осыпал поцелуями, дарил всякие милые мелочи. Поскольку цветы в то время зимой если и продавались, то за космические деньги, он преподносил ей комнатные. А как-то вручил «букет» из мороженой скумбрии, перевязанный лентой ламинарии, то есть морской капусты. Это было самое счастливое время в жизни Кати. И длилось счастье два года. В масштабе их отношений – долго, а если брать весь пройденный жизненный путь, то мелочь.

Когда Димася окончил университет, Катин папа помог ему с трудоустройством. Пристроил на должность малооплачиваемую, но в хорошую организацию и с перспективой карьерного роста. Если показать себя, быстро продвинешься. Александру Глебовичу парень нравился. Он всегда боялся, что дочь всерьез влюбится в красивого и пустоголового кривляку – ее тянуло именно к таким. А тут серьезный парень – умница и трудяга. И видно, что от Катюши без ума. Дочь расцвела рядом с ним. Глаза горят так, что все личико освещается и становится не просто милым, а по-настоящему красивым. Единственное, что смущало Александра Глебовича, – Димины проблемы со зрением. Если молодые поженятся и у них появятся дети, они с большой степенью вероятности унаследуют близорукость отца. Ведь не только Катин жених был очкариком, но и его мать. У обоих сложный астигматизм, а бабка вообще ослепла в юности. У Бердников в роду «кротов» не было. Зато имелись астматики. А у самого Александра Глебовича было такое сильное искривление позвоночника, что он припадал на одну ногу. Бердник бывал мнительным и в периоды слабости представлял себе слепых и хромых внуков. И тогда думал, что его дочь вовсе не легкомысленна, а подсознательно тянется к красивым и здоровым самцам, дабы улучшить генофонд семьи.

Вся надежда была на современную медицину, и только это успокаивало Александра Глебовича. Катин отец недавно перенес операцию на позвоночнике – удачную, и впервые за долгие годы чувствовал себя здоровым и сильным. Он продолжал ходить с тростью, но скорее по привычке. Да еще из пижонства. Что же касается зрения, то его коррекцией занимались многие офтальмологи. Бердника заинтересовала новая, лазерная, технология. Он почитал о ней в медицинских журналах и решил, что Диме просто необходимо «починить» глаза. Без своих очков со стеклами толщиной в палец он будет выглядеть значительно лучше да своей неловкостью перестанет позорить Катю на людях.

Александр Глебович предложил будущему зятю лечь под лазер. Тот отказался.

– Боишься, что ослепнешь?

– Нет. Я рискну, но попозже.

– Когда методика пройдет проверку временем?

– Когда накоплю денег на операцию. Я узнавал, она очень дорогая. Тысяча двести долларов. – По тем временам действительно большие деньги. За восемь тысяч можно было на окраине квартиру купить.

– Я оплачу тебе коррекцию, сынок.

– Премного благодарен, но вынужден отказаться. Я привык сам себя обеспечивать, и если пока не имею финансовой возможности исправить зрение, значит, буду оставаться полуслепым.

– Не глупи. Для меня тысяча двести это не сумма.

– А для меня – да. Я двести в месяц получаю. Если по пятьдесят буду откладывать, за два года скоплю. К тому же я надеюсь на повышение и прибавку.

– Хорошо, тогда я одолжу тебе эти деньги. Будешь отдавать по пятьдесят долларов в месяц. Согласен?

И Димасик дал положительный ответ.

Прооперировали его через две недели. Из-за сложного астигматизма сделать зрение идеальным не представлялось возможным. Однако результат впечатлил: один глаз – минус два, второй – ноль пять. Можно носить обычные очки, пользоваться линзами. Но Дима обошелся без всего этого. Машину он не водил, с мелкими предметами не работал, поэтому легкая размытость предметов не мешала ему нормально функционировать.

Однако некоторые последствия проведенной операции предвидеть не мог никто. Сначала Катин возлюбленный стал придирчив к себе. Без очков в массивной оправе и с толстыми стеклами он себя еще не видел. Снимая их, обнаруживал только очертания лица и фигуры, поэтому не представлял, что выглядит так ужасно. Бледный, подглазья синие... А эти уши! Теперь они, такие огромные, были ему без надобности. Димася отпустил волосы, чтобы скрыть под ними свои «лопухи». Стал загорать, а не прятаться под панамой. Начал много гулять, а на выходных уезжал из города, даже когда Катя не могла к нему присоединиться. Свежий воздух благотворно на него влиял, как и длительные прогулки и пробежки, а с некоторых пор покатушки. Димася починил старый отцовский велик и гонял на нем, не боясь, как раньше, улететь в яму или подпрыгнуть на кочке, которую не заметил. Он окреп, болезненная худоба сменилась плотностью новообретенных мышц. Рыжеватые волосы выгорели и стали золотистыми. Лицо приобрело приятный персиковый оттенок. Димася здорово похорошел и стал нравиться девушкам не только из-за характера. На него начали обращать внимание. С ним заигрывали незнакомки. А коллеги женского пола откровенно флиртовали. Теперь, чтобы обратить на себя внимание, Диме не нужно было притворяться клоуном.

Через восемь месяцев после операции его повысили. Зарплату увеличили вдвое, но вместе того, чтобы отдавать Александру Глебовичу больше, чем полтинник, Димася начал покупать себе хорошую одежду. Классик говорил, в человеке все должно быть прекрасно, в том числе и гардероб...

Катя в это время была погружена в работу над дипломом. Она дочь академика Бердника и не может уронить честь семьи посредственным трудом. К тому же отец часто летал в Америку, где его изобретения находили все больше применений, и она через раз его сопровождала, помогая с планированием и организацией встреч. А еще в США Катя покупала дешевую, но качественную косметику и продавала ее в России, чтобы иметь карманные деньги. Не бог весть какой бизнес, но Кате нравилось, что на колготки, красивое нижнее белье и сумочки она зарабатывает сама.

Совместное будущее они с Димой обсудили еще на заре отношений. Решили, что объявят о помолвке сразу после того, как Катя защитит диплом. Потом, уже в статусе жениха и невесты, съездят в романтическое путешествие, а через год, глядишь, и поженятся.

Но заветного кольца Катя пока не получила. Объяснение казалось убедительным – на достойное нет денег, а побрякушку дарить, значит проявить неуважение к любимой. Но Катя помнила «букет» из скумбрии и думала, что прежний Димася надел бы ей на палец бублик или перстень из фольги, и оба были бы счастливы. Однако в путешествие молодые люди все же отправились. Спасибо за это папе – он купил путевки в Турцию. Тогда таким отдыхом еще можно было удивить. Не Катю, конечно, которая не раз бывала и за океаном – в Америке, да и во многих других странах тоже, а простых россиян – в те годы мало кто ездил дальше Крыма. А Димася моря вообще никогда не видел, даже Черного.

Они отправились в Белек, в шикарный отель, где отдыхали и русские, и поляки, и немцы, и французы. В основном семейные пары и одинокие девушки. Последних было больше. К ужину все наряжались, а кто-то и на пляж ходил на каблуках и при полном макияже. С Димасей многие заигрывали. А поскольку он вставал раньше Кати и бегал купаться до завтрака, то среди таких же любительниц утренних заплывов нашел подружек, и если его девушка (или все же невеста?) не хотела идти на дискотеку или играть в волейбол, он развлекался в компании новых знакомых. Но не это злило Катерину. А то, что он сравнивал ее с другими. Время, когда она была для него самой прекрасной на свете, прошло. Теперь Дима видел, что есть дамы не только не хуже, но и лучше Катерины. Внешне, по крайней мере. И пусть не всех бог наградил правильными чертами лица, но как умеют себя подать некоторые девушки! Настоящие принцессы! И эти эффектные красотки находят Диму привлекательным. Значит, ей, Кате, надо больше стараться, чтобы соответствовать своему... жениху?

Когда они вернулись в Москву, Дима записался в спортзал. А еще стал поговаривать о пластике. Ему хотелось избавиться от лопухости. А вот о свадьбе – ни слова. Все разговоры исключительно о самосовершенствовании. Причем не духовном, а внешнем. У Димаси появилось много друзей по интересам, и не только мужского пола. Влюбленные все меньше времени проводили вместе. По *его* инициативе. Мол, Кате с ним и его приятелями будет скучно, а потому он лучше сходит куда-то один. А она и не скучала в его отсутствие. Было не до этого: работа по специальности для приобретения элементарных навыков, помощь отцу, расширение своего косметического бизнеса. Но в отличие от Димы она не хотела, чтобы каждый жил своей жизнью. Пыталась заинтересовать жениха новым бизнес-проектом – ради благосостояния *их* семьи. Однако у Димасика, как выяснилось, были свои планы на будущее.

Он еще слишком молод, чтобы связывать себя серьезными отношениями, заявил он, когда Катя мягко поинтересовалась, не пора ли назначить дату свадьбы. Вот просто так и сказал. Даже не оправдывался, как раньше. Мол, у него нет денег на шикарное торжество, а позволить Александру Глебовичу оплатить все он не может и так ему пятьсот долларов должен.

Дальше – хуже. Димасик сначала уехал в Гурзуф. Один, без Кати. А когда вернулся, снял квартиру, чтобы не с мамой жить. И снова даже не посоветовался с любимой девушкой. Просто переехал и через неделю сообщил об этом той, которая считала его своим женихом. Еще через месяц Димася предложил сделать паузу в отношениях.

Катя оскорбилась и гордо ушла. Точнее, осталась там же, где и была, но жениха отпустила. Думала, перебесится и вернется. Ждала этого. Плакала, переживала, но не сомневалась в счастливом финале их любовной истории. Ей казалось, что только она видит в очкастом недотепе с прилипшими к рукам рыбыми чешуйками прекрасного принца. Новые знакомцы не знают, каким он был и, возможно, остался бы, не пристрой его Катин папа на хорошее место и не уговори на операцию...

Но Катя не дождалась возвращения... своего Джедая!

Димася не просто так взял паузу – у него уже завязались новые отношения. Не зная, как все сложится, он не хотел окончательно расставаться с Катей. Всегда нужно иметь запасной вариант. Узнав о сопернице, она сама его бросила. И попросила отца сделать так, чтоб Диму выгнали с работы. Но Александр Глебович напомнил дочери о порядочности. Будь выше этого, сказал он. И простил остатки долга несостоявшемуся зятю.

Катерина очень переживала. Но старалась не показывать своих эмоций. На людях вела себя как обычно. Пожалуй, только отец знал, насколько ей тяжело. И не зная, как облегчить страдания дочери, пытался свести ее с Костей Борисовым... И не только после разрыва с Димасей! После него у Кати было еще несколько любовей. Трижды она собиралась замуж, но до алтаря так ни разу и не дошла. Костя, как самый близкий друг семьи Бердник, всегда ее поддерживал. Больше по-дружески, но без попытки перевести отношения на другой уровень все же не обошлось. Борисов как-то попытался поцеловать девушку. Не в щечку, а по-настоящему. Она его оттолкнула. На следующий день оба сделали вид, будто ничего не произошло.

Александр Глебович поражался упрямству дочери. Она категорически не желала видеть в Борисове мужчину. А между тем он был более чем достойным кандидатом на роль мужа. Здоров как бык, прекрасно образован, симпатичен, хорошо устроен. Когда Катю бросил последний жених (тьфу, тьфу, тьфу, крайний), ей исполнилось тридцать восемь. Александр Глебович мысленно давал дочери год, чтобы отойти от разрыва. А по истечении этого срока, как он надеялся, Катя с Костей поженятся, а еще через годик Катя родит ему внука. Поздновато для первенца, но что поделать, если на мужиков не везет, а потомство заводить хочется только в законном браке.

Но Катя за Константина не вышла. И внуков Александру Глебовичу не подарила. В принципе, родить она и сейчас могла. Как и взять чадо на воспитание, но папа умер в прошлом году. Скоропостижно. Занемог, слег и через двое суток отошел в мир иной. Перед кончиной, которую предчувствовал, позвал Катю и Костю и сказал прямым текстом о том, что желает видеть их парой:

– При жизни не дождался этого, так хоть после смерти порадуюсь за вас.

– Ты же не веришь в загробную жизнь, – напомнила Катя. – Поэтому если хочешь выдать меня замуж, борись. Обещаю, как только ты поднимешься на ноги, я отправлюсь под венец с тем, кого назовешь.

– Я ухожу, дочка. Увы... Но оставляю тебя на Костю. Он надежный человек. И если ты ему позволишь, он сделает тебя счастливой.

Катя знала, что не сделает. Потому что между ними нет чувств. В счастье без любви она не верила. А брак по дружбе заключать не хотела. Но отец выразил свое желание видеть Катю и Костю вместе так, будто огласил свою последнюю волю. А через несколько часов умер.

* * *

В дверь снова постучали.

– Костя, я же сказала, через пять минут выйду, – крикнула Катя. Она успела только халат скинуть да достать белье.

– Это Симон, – услышала она. – Хотел сообщить, что ухожу, а во сколько вернусь, пока не знаю. Быть может, утром.

Катя снова накинула халат и, затянув пояс, открыла дверь.

Племянник стоял на пороге. Одет по-спортивному, за плечами рюкзак.

– В поход собрался? – поинтересовалась Катя.

– Почти.

– Что это значит?

– Намечается вылазка за город. У одного парня из нашей компании дача в шестидесяти километрах от Москвы. Решили там затусить. Шашлык-машлык, дискотека, баня, если удастся затопить...

– Кто везет? – Катя лично знала двух приятелей Симона: один ей нравился, а второй категорически нет. Оба имели машины, и племянник катался то с одним, то с другим.

– РЖД. Если успею на последнюю электричку, то вернусь сегодня.

– Незачем пугаться ночами, останься ночевать на даче.

– Как скажешь, начальник.

– И не забудь позвонить. Отмазки из разряда «села батарея» не проконают. Я тебе подарила внешний аккумулятор.

– А себе блатной словарь? – хмыкнул племянш. – По фене ботать начала?

– Симон, я не шучу.

– Понял, понял... – Парень поднял руки, демонстрируя покорность. – Я буду хорошим мальчиком, обещаю.

– Деньги нужны?

– Ты думаешь, я поэтому к тебе постучал? Из-за денег? Нет, спасибо. На мясо, винишко и билет на электричку у меня бабки найдутся.

Катерина кивнула и хотела закрыть дверь, но Симон придержал створку.

– Я забыл еще кое-что сказать... – Тетка вопросительно на него воззрилась. – Я извиняюсь... – пробормотал Симон.

– Не слышу.

– Кать, хватит, а?

– Повтори предыдущую фразу, пожалуйста.

– Я извиняюсь, – нервно выдохнул Симон.

Он не умел просить прощения. Если кого-то обижал, то, остыв, просто делал вид, что ничего не было – ни оскорблений, ни последующей ругани. И точно так же вел себя, когда задевали его. Катя, если чувствовала свою неправоту, готова была ее признать, а племянник нет.

Вчера они рассорились из-за того, что Симон сунул нос туда, куда не следовало. Он решил дать тетке совет. Как будто его просили. И ладно бы совет дельный, к примеру, как снизить налоги или установить бесплатный антивирус (парень хорошо разбирался в компах: чинил и «чистил» их для Кати), но племянник решил научить ее строить отношения. Они сидели перед телевизором в гостиной, смотрели какой-то фильм о поздней любви, и Симон выдал:

– Не бери пример с героини.

– Почему же?

– Она много лет отвергает того, кто ее любит и, как ей кажется, не подходит ей, ради мифического мужчины-мечты.

– Но все же встречает его.

– Да, но это кино. В фильмах проститутки находят миллионеров, зачуханные домохозяйки обаятельных авантюристов, больные – здоровых, готовых отдать им почку... А в жизни все не так происходит. В реальности героиня прождала бы принца всю жизнь, а когда поняла, что он так и не появится, бросилась бы к этому соседскому пекарю, что таскал ей свежие булки чуть не двадцать лет. Только он к этому моменту, как вчерашняя сдоба, не только остыл, но и зачерствел.

– Разберусь без сопливых, – нахмурилась Катя, прекрасно понимая, что племянник намекает на Борисова.

Тот хоть и ходил в женихах, но не был допущен к телу. Пусть в глазах окружающих Катя и Костя стали парой, но на самом деле по-прежнему оставались друзьями. И Симон, живший с теткой под одной крышей, знал, что между ними нет ничего интимного. Даже поцелуев.

– Катя, не дури. Костя – хороший мужик. Сколько его можно в подвешенном состоянии держать?

– Не лезь в мою жизнь, – процедила Катя и добавила: – Мальчишка!

– Мне двадцать четыре, я взрослый дядя! – засмеялся племянник.

– И ты все еще живешь с теткой, – хотела добавить «из милости», но сдержалась. – Так что... как говорила героиня Муравьевой в известном фильме: «Не учите меня жить, лучше помогите материально!»

– С материальным у тебя и так все в порядке, а вот мыслишь как малолетняя глупышка.

Это было уже слишком! Катя посоветовала племяннику заткнуться и ушла к себе.

...Симон появился в доме после похорон папы. Катина двоюродная сестра приехала скорбеть вместе с сыном. Она была матерью-одиночкой, тянула Симона всю жизнь одна. А тот вырос мальчиком пусть и неплохим, но сложным. Вечно вылетал из школ из-за шалостей, которые расценивались педагогами как хулиганство. И из института поперли. Прикололся над деканом. Отчислили. Хотя подавал такие надежды... Потом была армия и годичное «хождение по мукам», иначе говоря, временным рабочим местам. В их небольшом городе было всего два института: гуманитарный, из которого Симона выперли, и высшее военное училище, куда ему из-за уже сложившейся репутации вход был заказан. А профессию получать надо.

Катя сама не поняла, как дала себя убедить в том, что племянник должен пока пожить у нее. Когда папа умер, она не в себе была. Да и одиночество пугало. А квартира огромная, не жалко, если одну из комнат займет родственник, который, как предполагалось, попробует поступить в какой-нибудь столичный вуз.

Надо сказать, Симон ее не напрягал. Более того, даже помогал чем мог. И денег не просил. Она сама начала ему их давать после одного случая...

Как-то Катя попросила Симона съездить за покупками на рынок. Именно туда, а не в супермаркет. Мясо, рыбу, яйца, зелень, специи она брала только там. У определенных продавцов. Домработнице не доверяла. Та, может, и не обманет, а вот ее запросто. Втюхают что похуже. Но Катя мучилась мигренью, у Лидии был выходной, а холодильник опустел. Пришлось отправлять за продуктами Симона со списком. Он привез все, что требовалось. Разложил. Отдал тетке сдачу. К вечеру головная боль прошла, и Катя решила приготовить кролика. Потушила его в сметане. Поела. И ушла спать. Но так как в мясо положила соли больше, чем нужно, измучилась жаждой. Встала попить. Прошла в кухню, а там сидит Симон и... ест «Доширак». Парень, который мотался на метро и автобусе на рынок, не полез в сковороду, от которой до сих пор шел дивный аромат крольчатины, а запарил себе лапшу – на другую еду у него не было средств.

Катя вспомнила, что племянник никогда не отказывался, если его звали за стол. Но чем он питался в остальное время, она даже не задумывалась. А он, как выяснилось, практически голодал.

Ей стало стыдно. Отец оставил Кате миллионы, и не рублей, а долларов – до сих пор капали отчисления за его изобретения, а она морит голодом ближайшего родственника.

И она начала племянника субсидировать. Много не давала. Никаких тачек, цацек, брендовых шмоток. Зато оплатила курсы английского и немецкого при МИДе, наняла репетиторов по русскому языку, физике, математике. Если «мальчик» не знает, кем хочет стать, надо ему помочь определиться. Симон решил, что будет поступать в МГИМО. Катя не возражала. Она возьмет на себя оплату обучения племянника. Главное, чтобы он снова не начал... «шалить».

* * *

Катерина задержалась. Вышла к жениху минут через пятнадцать. Не потому, что хотела предстать перед ним в самом выигрышном свете. Просто самой себе не нравилась. И волосы не лежали, и стрелки получались кривыми, а на домашнем платье обнаружилось пятно.

Госпожа Бердник не могла себе позволить ходить шишигой даже дома. Александр Глебович очень этого не любил. Если не можешь быть нарядной, то стань хотя бы опрятной, говорил он. Ее, маленькую, не сажали за стол с «козявками», встрепанными волосами, в запачканной пижамке. Сначала приведи себя в порядок, а уж потом завтракай. Но Катя знала, что отец ждет от нее не только этого. Ему хотелось видеть дочь именно нарядной. Его кумиром среди особ женского пола была Элеонора Новицкая, в девичестве Шаховская. Чистокровная княжна¹. Она ВСЕГДА оставалась элегантно! Естественно, по *его* словам, раз уж Катя не удостоилась знакомства с любовью всей папенькиной жизни. Она и узнала-то о ней случайно...

Когда Катя готовилась к последней (крайней, тьфу, тьфу) свадьбе, то видела, что Александр Глебович едва сдерживает свой скептицизм.

– Чем тебе не нравится Олег? – как-то спросила она.

– Он псих.

– Насмешил! Спокойнее человека я не встречала. Олег рассудительный, терпимый. Он всех мирит.

– Взорвется рано или поздно. И я надеюсь, его гнев будет направлен не на тебя.

– Пап, ты ошибаешься.

– Как и в прошлый раз? – хмыкнул папа.

– Не напоминай. Ты же обещал! – разозлилась Катя.

В прошлый раз она собиралась замуж за альфонса.

Ей тогда было двадцать семь, и она стала одной из первых жертв курортных соблазнительей – сладкоголосых турецких и египетских мачо, завлекающих в свои сети обеспеченных русских туристок, в надежде на законный брак и доступ к банковскому счету супруги. Катя тоже успела перевести своему Мустафе немалую сумму. На лечение больной мамы и развитие бизнеса, ага.

От афериста Катю избавил отец, как только поближе познакомился с женихом. Но Катя еще долго не могла забыть возлюбленного.

– Прости, дочка. Олег не пьет, так?

– Он ведет здоровый образ жизни.

– Потому что, как только «примет на грудь», становится агрессивным. В нем просыпается Халк. Знаешь ведь такого супергероя? Зеленый, большой, страшный.

– Что ты выдумываешь?

– Дочка, я очень хочу тебе счастья. Но Олег не тот, кто искупает тебя в нем.

– Посмотрим! – Она хотела уйти, но папа удержал.

– Я так хочу тебе счастья, что готов купить его...

– Тогда нужно было позволить мне выйти за Мустафу. И сейчас у тебя был бы очаровательный смуглый внук.

– Я подарю тебе бриллиант, приносящий удачу. Если смогу его заполучить.

– Что за ерунда? Ты же не веришь в талисманы.

– Милая, я готов поверить во что угодно, когда на кону твое счастье, – он обнял дочь. – Сейчас я расскажу тебе историю. Правдивую. О себе и... одной дивной женщине. Ее звали Элеонора. Она родилась в знатной семье. Но произошла революция, и девочка лишилась всего.

---

¹ История их взаимоотношений описана в книге Володарской «Карма фамильных бриллиантов».

В том числе матери. Ее воспитывали отец и мачеха. Отца, князя, репрессировали. Сама Лина едва выжила в блокаду. Тогда она потеряла все волосы и часть зубов. Исхудала до состояния скелета. Но когда я познакомился с ней, она все равно была невероятной. Такой природной красоты я не встречал никогда. Элеонора годилась мне в матери, но я готов был... Даже не идти за ней, а ползти. В ее доме собирались разные люди: и генералы, и партийные бонзы, звезды кино и театра, и мало кому известные композиторы, художники, поэты. Лина не любила посредственность, а талантливых и ярких людей привечала. К ученым она тоже благоволила. Так я и попал в поле ее зрения.

– Чем же она была так хороша? Всего лишь красива лицом?

– С лица воды не пить – народная мудрость. Если придираться, то у Лины были некрасивые уши. Просто бублики какие-то, а не уши! И морщинки имелись. И видно было, что зубы вставные. Но никто не мог с ней сравниться! Я как-то приехал утром. Нужно было кое-что передать. Час был ранний, я думал, мне не откроют. Но Лина впустила меня. Велела подождать в гостиной. Она едва встала с постели, однако за пять минут успела привести себя в порядок. Не накрутила, но причесалась, уложив волосы волной, надела дивное домашнее платье и туфельки на каблуках. Эта женщина никому не позволяла застать себя врасплох. Она была так хороша!

– Но пять минут ей все же требовалось для того, чтобы причепуриться?

– Иногда десять. Но тогда она еще наносила стрелки и помаду.

– Почему у вас не получилось? Из-за мамы?

– Ты прости, дочка, но я буду откровенным... Если бы Элеонора позволила, я был бы с ней. И меня не удержали бы ни жена, ни пятеро детей. Но она меня не любила.

– А кого?..

– Не знаю. Мне иногда казалось, что своего сводного брата, Сергея Отрадова. А умерла она в одиночестве. Где-то на задворках Москвы.

Катя видела, как расстроили воспоминания отца – он едва не плакал.

– А что ты про счастливый камень говорил?

– Этот камень имеет свое имя – «Слава». Мало камней приносили столько удачи своим обладателям. Если добуду, расскажу тебе его историю. А она впечатляет.

– А какое отношение все это имеет к Элеоноре?

– Самое прямое. Она унаследовала эту реликвию.

И все. Больше ничего не сказал. Просто закрыл тему.

А за Олега Катя так и не вышла. Отец снова оказался прав. Жених проявлял все больше агрессии и в конце концов накинулся с кулаками на будущего свекра, когда тот сказал, что переписал завещание и Кате с мужем ничего не достанется. Александр Глебович спустя время признался, что подливал Олегу в сок водку, чтобы спровоцировать на эмоции.

– Катенька, я зажался! – вернул ее в реальность голос жениха. – И чай стынет.

– Иду, – откликнулась она.

Через несколько секунд Катя появилась в гостиной.

– Что это на тебе? – удивился Костя.

– Шорты, – закатив глаза, ответила Катя.

Такой наряд она позволяла себе только на отдыхе. Джинсовые шорты с рваными краями никак не соответствовали возрасту. Но, когда на платье обнаружилось пятно, Катя решительно сняла его, натянула пляжную одежду, собрала волосы в хвост и стерла стрелки. Пора перестать соответствовать папиному идеалу.

– А тебе идет. Выглядишь моложе.

Катя уселась на диван и взяла чашку. Сделав глоток, она констатировала:

– Холодный.

– Я же говорил, стынет.

- Не надо было разливать. Пусть бы в чайнике оставался.
- Ты не в настроении?

Она повела бровью и крикнула горничную. Когда та прибежала, велела заварить свежего чая и принести бутерброды.

- Ты повздорила с Симоном?
- Вчера немного поцапались, – созналась Катерина.
- Из-за чего?

«Можно сказать, из-за тебя», – мысленно ответила она жениху. Но вслух ничего не сказала. Она вообще была не расположена к беседе. И не рада тому, что он... приперся! Другого слова не подберешь.

Катя включила телевизор и стала листать каналы. Как назло, ничего интересного не показывали.

– А вот и бутерброды, – воскликнул Костя, когда в дверях появилась Лидия. Пауза сильно затянулась, и жених испытывал неловкость. – С чем они у нас?

– У нас с сыром, – сквозь зубы прорычала Катя. Она не ела колбасу, потому что не любила, а рыбу и икру из-за появившейся совсем недавно непереносимости. Раньше лопала и ничего, а теперь на горшок неслась сразу после того, как переварит. Поэтому обычно употребляла булку с маслом и сыром. И Костя, как лучший друг (пardon, жених!), должен был уже это знать. – А чай где? – спросила она у Лиды.

- Заваривается. Сейчас принесу.
- Поскорее.

Горничная посмотрела на госпожу Бердник с удивлением. Та всегда была корректна с прислугой. Но сегодня в нее словно бес вселился.

Катя сама это понимала. И пыталась разобраться в себе. Что же с ней творится? Почему все ее так раздражают? ПМС? Но она легко его переносила. Ссора с Симоном? Да наплевать. Пара лишних кило, осевших на талии? Их никто не видит, потому что раздеваться не перед кем, а для выходов она надевает корректирующее белье...

И тут госпожа Бердник поняла, в чем причина ее недовольства. Сегодня ей приснился сон. Во сне она мчалась по берегу океана в старом армейском джипе без крыши. За рулем был незнакомый мужчина. Не сказать, что красив, но обаятелен. Щетинистый, кадыкастый, с седыми короткими волосами и загорелыми до черноты руками. Особенно четко она видела именно руки. Одна лежала на руле, вторая на ее колене. Катя кожей ощущала мозоли на его ладони. Они с незнакомцем мчались неведомо куда, но ей было все равно. Она хотела быть с ним и быть ведомой. Куда бы ни завез, всему бы обрадовалась.

Потом они целовались в кабине. Волны подступали к колесам, но Кате не было страшно. И это при том, что она боялась океана после того случая на Гавайях. И если ей снились волны, то она просыпалась с колотящимся сердцем. А сейчас только абсолютный покой. И желание выпрыгнуть из джипа, чтобы окунуться в бурлящие воды вместе с кадыкастым мужчиной с мозолистыми руками...

Сон разбередил Катину душу. Напомнил о том, насколько она одинока. Не по статусу – по ощущению. Наверное, всему виной фильм, который они смотрели с Симоном. Там героиня значительно старше ее все же дождалась своего принца... Или дело в словах племянника... В которых, конечно же, была правда.

- Только как жить, не любя?
- Ты плачешь? – вернул ее в реальность вопрос Константина.
- А? Что?
- Слезы, – он протянул руку к ее лицу, но Катя отстранилась.

– Наверное, у подводки срок годности закончился. А у меня на просроченную косметику аллергия.

– Ты не накрашена.

– Была. Но стерла стрелку. Я схожу умоюсь.

Она сбегала в уборную, ополоснула лицо водой. Затем посмотрела на себя в зеркало. Не в первый раз за сегодня. Теперь, не приняв рабочую позу.

Не молодая. И не особо красивая.

Но не старая и не страшная...

Потухшая, это да.

Глаза грустные, рот обмякший... Опущенный подбородок, а из-за этого шея в складках.

А если выйдет замуж за Костю Борисова, то вообще зачахнет. Да, она очень любила папу и полгода пыталась убедить себя в том, что, исполняя его волю, делает хорошо не только ему (он обещал радоваться за дочь, поглядывая на нее с облачка), но и себе. Но по факту... Отец умер! Видит он Катю сверху или нет, еще неизвестно. Скорее всего, нет. А она совершенно точно не испытывает к своему суженому ничего... Даже симпатии! Раньше он ей нравился как друг, но теперь нет. Теперь Костя ее только раздражает. Она, приобретя жениха, потеряла друга.

– Вот сейчас пойду и скажу, что ничего у нас не получится, – сообщила Катя своему отражению. – Пора заканчивать этот фарс.

Но едва вышла из ванной комнаты, сникла. От нее же ничего не требуется. Только приветить так называемого жениха, сходить с ним куда-нибудь. А разве плохо, когда у тебя есть спутник? Да еще и будущий муж? Одной не лучше. А хороших подруг у Кати нет. Была одна, но осталась в Штатах.

– Катенька, ты прости меня, я вынужден уйти, – услышала она голос Константина.

– Проблемы?

– Нет, просто срочное дело.

Что за дело, Катя уточнять не стала. Она вообще слабо представляла, чем занимается ее жених. Вроде бы программным обеспечением. Имеет свою фирму. В деньгах не нуждается: живет в приличной квартире, ездит на «БМВ», в дорогих ресторанах не тушует, оплачивает счет, не моргнув.

Катерина проводила жениха до двери. Даже в щечку чмокнула – так была рада тому, что избавляет ее от своего общества.

Когда Борисов ушел, Катя вернулась в гостиную. Налила себе чашку чая, подошла к окну и выглянула во двор. Просто так, даже не думая о Константине...

Но увидела именно его. Жених стоял у джипа. Старого и грязного. Но не армейского. Катя внимательно осмотрела машину, потому что мужчина, что высовывался из кабины, был очень похож на того, из сегодняшнего сна.

Сердце екнуло.

Разве так бывает? Ты видишь во сне мужчину своей мечты, а через несколько часов встречаешь его в жизни. В кино, да. Там, как верно заметил Симон, проститутки находят миллионеров, зачуханные домохозяйки обаятельных авантюристов, больные – здоровых, готовых отдать им почку... Но, оказывается, и в жизни происходят чудеса. Катерина еще не знала мужчину из джипа, но уже была в него влюблена.

Тот будто почувствовал ее взгляд и поднял глаза. Кажется, голубые. Катя, всю жизнь млевшая от черноглазых, мгновенно поняла, как ошибалась. Нет глаз прекраснее, чем эти, цвета неба.

Катя ждала, что за его взглядом проследит Константин, она помашет им и пригласит мужчин в дом, но тот быстро нырнул в машину незнакомца, как будто боялся, что кто-то (она?) увидит его, и джип сорвался с места.

Маняша

Мария Корчагина, задрав рукав серой в мелкий горошек блузки, обеспокоенно посмотрела на зудящее запястье. Сыпь! Еще утром кожа была гладкой. Но чему удивляться, если у тебя аллергия на кучу продуктов и низкая стрессоустойчивость. Стоило Маше понервничать, как начиналась почесуха. Сегодняшний день прошел беспокойно, и, чтобы себя хоть чем-то порадовать, девушка слопала упаковку кексов с разноцветной глазурью. Орехов, от которых ее лицо на глазах раздувалось как воздушный шарик, в них не было, но радужные шапочки не внушали доверия. Маша избегала подобных лакомств, покупала обычное печенье или сама пекла, но не всегда могла себе отказать в удовольствии... сожрать какую-нибудь дрянь! Иногда эти «пиры» проходили без последствий. Но не в этот раз...

Достав из сумки упаковку таблеток от аллергии, Маша приняла лекарство. Пока не началось действие препарата, она решила отвлечься чтением, чтобы ненароком не расчесать сыпь до крови. Присев на лавку в сквере, раскрыла книгу. Сегодня при ней была «Всепоглощающая страсть». Пошлейшему названию соответствовало и содержание. Но Маша читала любовные романы с удовольствием. Похожие один на другой, они ничему не учили, не заставляли думать, не откладывались в памяти, но отвлекали и расслабляли. Погружаясь в мир чужих страстей, Маша теряла чувство реальности. Она не отождествляла себя с героинями, а наблюдала за этими счастливыми дурочками, как за резвящимися котятками или плавающими в аквариуме золотыми рыбками. Поглощение любовных романов стало основным инструментом борьбы со стрессом. И чем глупее оказывалось чтение, тем лучше помогало.

Сегодняшняя книга Машу не разочаровала. Прочитав двадцать страниц, она почувствовала умиротворение. Зуд прекратился. Оголив запястье, Маша глянула на кожу. Пятна есть, но они уже не вздуты. К ночи вовсе пройдут.

Марии Корчагиной неделю назад исполнилось тридцать два. Но выглядела она от силы на двадцать пять. Другая бы радовалась, а ей было все равно.

С самого детства, куда чаще, чем Марией или Машей, ее звали Маняшей. Даже случайные знакомые быстро находили этот нежный, детский вариант ее имени.

Маняша всегда считала, что внешность – не главное. В том числе... или особенно... собственная. Она никак себя не приукрашивала: не тонирила русые волосы, не пользовалась косметикой, разве что блеском для губ, не делала маникюр, не наряжалась. За фигурой тоже особо не следила. Никакого спорта, диет. Но, если поправлялась, чувствовала дискомфорт и отказывалась от сладкого, чтобы вернуться в привычную форму. К счастью, для этого не требовалось много времени: Маше повезло и с конституцией, и с метаболизмом. При росте сто шестьдесят пять она весила пятьдесят пять кило, была стройной, но не худой. Однако ее ладной фигуры все равно никто не видел, поскольку она старательно прятала ее под объемной одеждой. Маняша не имела никаких комплексов, просто любила просторные вещи – в них комфортнее существовать. Как и в обуви без каблучков. И от природы волнистые волосы распрямлять незачем, пусть вьются как хотят, а если в лицо лезут, так их можно в хвост собрать.

Одни знакомые считали Маняшу «синим чулком», другие «серой мышкой», но и те, и другие пытались убедить в том, что нужно менять имидж. Она же только мысленно фыркала. Зачем? Чтобы привлекать мужчин телом, улыбкой, волосами? И что это даст? Они клонут на яркую внешность, да. На обертку. Но, развернув ее, обнаружат настоящую Маняшу. Заумную, нервную, замороженную. Макияж и бюстгальтер «пуш-ап» неспособны исправить дело, потому что проблемы ее никак не связаны с внешностью...

Мария Корчагина слишком сложна для понимания!

Не только мужского. Женщины тоже воспринимают ее как какую-нибудь инопланетянку. Даже близкие: мама, двоюродная сестра, приятельницы, коллеги. И они уговаривают Маняшу

сменить имидж больше ради себя самих, нежели ради ее блага. Им кажется, что так она станет более предсказуемой и... понятной. С Маняшей, которая такая, как все, им будет проще.

А ей с ними и так хорошо. Хоть и беспокойно. Маше никогда не хотелось, чтобы близкие оставили ее в покое. Пусть лезут в ее жизнь, пытаются что-то в ней поменять, ведь таким образом они показывают свое равнодушие.

Маняшу же интересовала только наука. Радиоинженерия увлекала ее так, что все остальное уходило даже не на второй – на десятый план. Кандидатскую она уже защитила, работала над докторской. Мечтала о своей собственной лаборатории, но вынуждена была трудиться под началом старого маразматика доктора Елисеева, который, как ученый, устарел еще в «нулевых», но благодаря своим регалиям оставался у власти.

Не то чтобы Маша не хотела семью. Хотела. Мужа и двух деток. Но пока у нее не было на личную жизнь времени. Все над ней хохотали. Кто открыто, кто за спиной. «Нет времени? Ах-ха-ха! Может, просто желающих не нашлось на такой товар?..» Но Маняша почему-то была уверена в том, что как только она будет готова, он найдется. Тот самый купец, готовый взять весьма специфичный товар – заумную и нервную Марию Корчагину. Доктора наук.

Все, в том числе подруги, считали, что она девственница... Мхом поросшая. Но у Маняши на протяжении нескольких лет были интимные отношения с женатым коллегой. Он был значительно ее старше, умнее, опытнее и... Красивее! Всегда «одет с иголочки», подтянутый, чисто выбритый, седовласый. Предмет обожания всего женского коллектива. Но выбрал он Маняшу, хотя флиртовал со всеми. И это, безусловно, льстило.

Их тайный роман длился семь лет. Маняша обожала своего любовника, но не ждала, что он разведется ради нее. Даже если бы он решился, она отговорила бы. У него заботливая супруга, двое детей, внучка, налаженный быт, не говоря уже о совместно нажитом имуществе. А что даст ему она? Заботу, внимание? Точно нет. Борщей тоже от нее не дождешься: некогда, да и незачем, борщ и в столовой отлично готовят, а поужинать можно бутербродами или макаронами с сыром. Да и не всегда Маняша к ужину домой является, частенько на работе засиживается дотемна, а то и ночует в кабинете. Не забывала без пяти минут доктор Корчагина подумать и о своих интересах. Ее мужчине за пятьдесят. Уже появляются болячки: скачет давление, болят суставы. А что будет через десять лет? Инсульт, подагра? Не факт, конечно, но вероятность велика. У молодого же мужчины таких проблем нет. А секс?! Его уже меньше, чем в начале отношений. Бывают дни, когда они совсем ничем таким не занимаются. И вовсе не потому, что Маняша против. Любовник разбудил в ней страстную женщину, которая задушевным разговорам предпочла бы жаркий секс. Но навязываться она считала дурным тоном, как и искать приключений на стороне.

...Маняша дочитала книгу до середины и вздохнула. Нужно оставить на завтра. В ее столе лежало еще три покетбука, но их хватит только на неделю. Открыв для себя антистрессовую терапию любовными романами, Мария испытала настоящий восторг. Проглатывала по несколько книг в сутки, не думая о том, что рог изобилия может иссякнуть. Ей казалось, этой макулатуры такое количество, что не перечитаешь во веки веков. Но довольно быстро выяснилось, что она ошибалась. Одни и те же книги просто переиздавались в другом оформлении, а новинки появлялись крайне редко. Сложность еще была в том, что она не читала отечественных авторов – реалии мешали полностью оторваться от действительности, и избегала глубоких, трогающих за душу произведений. Хватило с нее «Унесенных ветром». Так прониклась, что все дурацкие сиквелы и приквелы, написанные уже не Маргарет Митчелл, прочла и долго еще переживала за судьбу героев.

Маняша поднялась с лавки и замерла, раздумывая, куда повернуть. Если налево, то попадет сразу домой, а направо – выйдет к палатке, где продают фрукты. Маше захотелось дыни, но она не была уверена, что та не напичкана какими-нибудь химикатами, вызывающими аллергию.

– Замрите, прошу! – услышала она, но, естественно, не послушалась, а сделала наоборот – резко обернулась. Шагах в пяти от нее стоял мужчина в белоснежном костюме. Он был высок, строен, черноволос. Пожалуй, красив, но как-то уж слишком картинно. Как будто сошел с обложки любовного романа.

– Вы это мне? – поинтересовалась Маняша.

– У вас такой дивный профиль, – проговорил незнакомец с искренним или умело сыгранным восхищением. – Но теперь я вижу, что вы прекрасны, с какой стороны на вас ни посмотри.

Маша не сдержала смешка. С такой откровенной лестью ей еще не приходилось сталкиваться. Дивный профиль? Да не смешите... У нее нос острый, как у старухи Шапокляк. Да и анфас она на красавицу не тянет.

– Спасибо и всего хорошего, – сказала Маняшка и зашагала к дому. Обойдется без дыни!

– Я напугал вас? – Незнакомец бросился следом.

– Нет.

– Насторожил?

– Немного.

– Вы не подумайте, я не ловелас, ищущий новый объект для соблазнения.

– Да что вы? – Маша окинула мужчину красноречивым взглядом. Белоснежный костюм, уложенные гелем черные волосы, холеная бородка... Типичный соблазнитель.

– Я артист, по профессии. На данный момент работаю конферансье. Через полтора часа мне выходить на сцену, вот я и нарядился.

– Дело ваше. Зачем вы оправдываетесь?

– Не хочу, чтобы у вас обо мне сложилось неверное представление.

– Вам не все равно, что я о вас думаю?

– Нет.

– Потому что влюбились в меня с первого взгляда?

Маняша развеселилась. Ее ни разу не клеили на улице, и это было забавно.

– Вы очень мне понравились, но не более того.

– Эх, черт... – делано расстроилась она. – А я уже размечталась о том, как мой дивный профиль сведет вас с ума.

– Издеваетесь надо мной?

– Подшучиваю, – миролюбиво сказала Маша. – Не обижайтесь. Как и на мой совет: желая познакомиться с женщиной, не сбивайте ее с ног откровенной лестью. Это, как вы правильно заметили,стораживает. Всего вам доброго!

И прибавила шагу, но незнакомец легко забежал вперед и преградил ей дорогу.

– Я сейчас позову полицию, – предупредила Маша.

– Позвольте объясниться?

Было светло, в сквере гуляли люди, и Маняша кивнула.

– Я не подкатывал к вам, хотя познакомиться пытался. Дело в том, что вы удивительно похожи на княжну Анненкову с портрета живописца Кон-Невского.

– Не слышала о таком.

– Как и многие. Жаль, что этого талантливого художника почти никто не знает. Но его работы! Они просто потрясающие! Кон-Невский – это псевдоним, а звали его Адриан Сомович Коневский. Он ленинградец, пережил блокаду. Никогда не выслуживался перед властью, не состоял в партии и имел весьма сомнительные знакомства с диссидентами. Поэтому его не приняли в Союз художников. А без членства в Союзе в СССР нельзя было ни выставку организовать, ни приличный заказ получить. Адриан Сомович жил в нищете, свои картины продавал за копейки на Невском проспекте или раздаривал друзьям.

– Откуда же вы знаете об этом художнике? – заинтересовалась Маша. Если история и выдуманная, то весьма любопытная.

– Он после смерти приобрел некоторую известность. А все благодаря портретам. Писал своих приятелей-диссидентов и просто талантливых шалопаев, многие из которых стали со временем известны. Кто-то уехал на Запад, сумев вывезти картины Адриана. Сейчас картины Кон-Невского хранятся не только в частных коллекциях, но и в художественных музеях. Я видел две в парижском Музее современного искусства. А портрет княжны Анненковой только в журнале с репродукциями.

Маняша подняла указательный палец, призывая собеседника к тишине, и достала телефон. Вышла в Интернет, в поисковике набрала имя художника. К ее удивлению, художника Кон-Невского незнакомец не придумал. Все рассказанное оказалось правдой. Бегло ознакомившись с биографией живописца, Маняша принялась изучать картины.

– Что-то я не могу найти портрет княжны Анненковой, – проговорила она, листая страницы.

– Зайдите на сайт издательского дома «Лира». Они издали альбом с репродукциями.

Она так и сделала. Искомый портрет обнаружился. Маняша увеличила его и стала изучать.

– Мы совсем не похожи, – констатировала она. – У княжны глаза и волосы светлые, лицо полное.

– Здесь она в положении, вот и округлилась. Но вы посмотрите на нос, лоб, ямочку на подбородке. Все, как у вас.

– Даже не знаю, – с сомнением протянула Маняша. – Нос точно не мой.

– Да вы гляньте на отражение, – и указал на деталь, которую она не заметила. Княжна позировала в интерьере скудно обставленной комнаты. На одной стене – квадратное зеркало без рамы, в котором отражается профиль княжны. – Где же не ваш нос?

– Вы правы... Мы похожи.

– Я бы сказал, одно лицо. Когда я заметил вас, то пораженно замер. Нечасто удается увидеть ожившие портреты.

– Да, но случается. Я как-то стояла в очереди на кассу супермаркета с врубелевским демоном. Он был в рыжей жилетке и покупал «Доширак». – Маша еще раз глянула на картину. – А почему княжна в столь убогой обстановке запечатлена?

– Это художественный прием. Кон-Невский писал портрет не с натуры, а по фото. Княжна с родителями в семнадцатом году уехала из России во Францию. Там им тяжело пришлось. Жили в меблированных комнатках, сами себя обслуживали, зарабатывали кто как мог. Юная княжна, к примеру, чинила одежду богатым француженкам, поскольку была обучена рукоделию. На фотографии, с которой писался портрет, она стояла у красивого зеркала в особняке одной из клиенток. Но Адриан поместил ее в труппный интерьер, чтобы показать истинное положение русской аристократии в эмиграции.

– Картина, судя по подписи, написана в сорок шестом году. А фото сделано?..

– В двадцатом. Княжна отправила несколько фотографических карточек подругам, оставшимся в России, и троюродной сестре, тоже Анненковой. Ее сын принес снимок Адриану и попросил сделать портрет.

– Княжна одета не по моде двадцатых, – заметила еще одну деталь Маша. – Тоже художественный прием?

– Насчет этого ничего сказать не могу. Я поделился всеми знаниями о картине.

– Из альбома подчёркнули?

– Да. Там к репродукциям есть пояснения.

– Надо приобрести. Вы заинтересовали меня...

– Вынужден разочаровать вас, его уже не купить. Я пытался заказать через Интернет, чтобы подарить одному своему другу. Но, увы, все экземпляры распроданы.

– Жаль. С экрана телефона или компьютера рассматривать картины не так приятно.

- Могу дать полистать свой альбом.
  - Я была бы признательна.
  - Только, чур, вернуть, – сделав строгое лицо, погрозил он пальцем, но глаза при этом улыбались. Маша решила, что мужчина ей нравится. – Меня, кстати, зовут Михаилом. А вас как?
  - Мария, – представилась Корчагина.
  - Очень приятно.
  - Мне тоже, – а про себя добавила: «Как ни странно».
  - Вы, случайно, не имеете отношения к роду Анненковых? Такое сходство с княжной не может быть случайным.
  - Нет, я из рабоче-крестьянской семьи.
  - В советское время многие скрывали свое аристократическое происхождение. Даже меняли фамилии. Быть может, ваши предки сделали так же?
  - Если и так, мне они об этом не сообщили.
  - Я бы на вашем месте порасспросил бабушек, дедушек.
  - Кстати, у меня еще прабабка жива. В девичестве Крестовоздвиженская. Фамилия далеко не простецкая, не так ли?
  - Шикарная.
  - Но не благородная. Прабабушкин отец был подкидышем. В церковный праздник Воздвижения Честного Креста Господня младенца оставили на ступенях храма. А когда крестили, дали такую фамилию.
  - Это не мешало ему быть внуком кого-то из Анненковых. Какая-то дворовая девка, например, забеременела от князя, но тот не пожелал признавать ребенка...
  - Вам бы романы писать, Михаил. Любовные.
  - Я подумаю над этим, – улыбнулся он. – Оставьте телефон?
  - Он мне еще пригодится, – отшутилась Маняша.
  - Тогда только номер. Договоримся, когда и где я передам вам альбом.
  - Давайте завтра. Здесь же, в то же время.
  - На том же месте, в тот же час?
  - Точно.
  - Хорошо, договорились.
  - Тогда до завтра.
- Маняша ни разу не обернулась, а потому и не увидела, как хмурится и кусает губы Михаил. Все пошло не так, как было задумано, и это его злило.

Ева

Красота изменчива...

Большинство женщин утрачивает ее со временем.

Есть те, которые с годами становятся лучше. Их сравнивают с дорогим вином.

Ева Шаховская не относилась ни к тем, ни к другим. Она была хороша и девочкой, и девушкой, и став зрелой женщиной, по праву гордилась своей красотой. В этом Ева пошла в бабушку, княжну Шаховскую. Та до семидесяти лет оставалась невероятно привлекательной и кружила головы мужчинам, годящимся ей в сыновья...

Еве в этом году исполнился сорок один год. Возраст не критичный, а все же... пятый десяток. Да, времена Бальзака прошли, и в двадцать первом веке сорокалетняя женщина считается еще довольно молодой. Однако все Евины приятельницы-одногодки скрывали свой возраст и прочно сидели на «уколах красоты». Выглядели они изумительно, на тридцать пять максимум, но все как-то одинаково. Шаховская, глядя на их гладкие лица со странно растянутыми в застывших улыбках ртами, радовалась тому, что не поддалась стадному чувству и осталась верной обычным кремам от морщин. Бабка ее, покойница, считала лучшим средством для поддержания кожи в тонусе простоквашу. Ева ею нет-нет да тоже пользовалась. А еще ходила на массаж. Вот и все. А неглубоких мимических морщинок не стыдилась. Как и возраста. Когда спрашивали, сколько ей, честно отвечала: «Сорок один». Приятельницы ахали и закатывали глаза.

Сегодня Ева выглядела не лучшим образом. А все из-за недосыпа. Времена, когда она после бурных ночей оставалась свежей, как майская роза, прошли. Теперь Ева щадила свой организм, опасаясь того, что он отомстит ей синяками под глазами и отечностью. Даже крепкие напитки практически перестала употреблять. Хотя раньше любила выпить, особенно настоящей перцовки. Она и сейчас иногда позволяла себе излишества. Но только если знала, что следующий день сможет провести дома, не показываясь на люди с помятой физиономией. Причиной сегодняшнего недовольства собой была, впрочем, совсем не перцовка. А двенадцатичасовой перелет из Америки. Бедная Ева вынуждена была сидеть в «экономе» и не смогла сомкнуть глаз. Билетов в бизнес-класс не оказалось, а в Москву нужно было попасть срочно. Пришлось соглашаться на «эконом» и сидеть в ужасном кресле, да еще между двумя не самыми приятными людьми. Ева пыталась поменяться местами с кем-нибудь из бизнеса-класса, козырнув своим именем, но никто не согласился. А один дядя еще и обидел вопросом: «Ева Шаховская? Не знаю такой!»

Не сказать, что это был сильный удар по самолюбию, но приятного мало. Еще три года назад ее имя гремело, песни звучали, как говорится, из каждого утюга, а сейчас есть те, кто уже и не помнит Еву Шаховскую. Слава так же легко ускользает, как и красота, и если последняя осталась верна ей, то первая...

Увы, нет!

Успокаивало одно: из шоу-бизнеса Ева Шаховская ушла сама. Спустилась с музыкального Олимпа по доброй воле, а не была скинута вниз, как многие, в том числе ее брат Денис. Он же Дусик для своих и Дэнис для публики. Как певец брат был востребован только до тех пор, пока спал с продюсером. Тот вкладывал деньги в своего любовника, и оба были довольны. Но наигравшись с Дусиком, покровитель потерял к нему интерес. Без мощных финансовых вливаний безголосый и откровенно гомосексуальный Дэнис был никому не интересен. И пусть до самой вершины он так и не добрался, но падал стремительно и драматично. Отбил себе все мозги, из-за чего пошел на преступление. Желая озолотиться, Дусик чуть не убил человека. И, ожидаемо, сел в тюрьму. Выйдя, снова ввязался в криминальную историю, и снова ради денег,

способных вернуть его в шоу-бизнес. Но в этот раз все закончилось плачевнее – его убили. Это было семь лет назад. И о певце Дэнисе за это время никто не вспомнил. Будто и не было его.

А сколько еще таких «однодневок», канувших в Лету... Сотни, если не тысячи.

...Ева в очередной раз вспомнила кошмарный перелет и нахмурилась. Если верно говорят, будто радость жизнь продлевает, а негатив укорачивает, то она потеряла как минимум неделю. Добравшись до дома, она немного поспала. Потом приняла контрастный душ, выпила кофе. Если бы не одно очень важное мероприятие, она провела бы остаток дня иначе. Заказав из ближайшего ресторана русской кухни разносолов, уселась бы перед телевизором с графичной ледяной водочки. В пижаме, маске для волос и со слоем жирного крема на физиономии. Затем, сытая и чуть пьяная, повалилась бы в ванной. А потом допила бы водочку и улеглась в кровать с берушами в ушах и неуложенными волосами.

Но Ева прилетела в Москву специально для того, чтобы попасть на торжественный вечер в Дворянском собрании. Давно, еще в конце девяностых, Ева по праву заняла место среди его членов. Тогда это было модно, и многие нувориши запросто скупали грамоты, подтверждающие их якобы благородное происхождение. Зачастую эти новоявленные «дворяне» были просто-напросто братками, прадедушки которых жгли и разоряли помещичьи усадьбы. Истинные дворяне таких презирали, забывая о том, что сами аристократы едва ли наполовину. И это в лучшем случае. Тот же основатель Собрания, граф Бестужев, был рожден простолюдинкой из глухого села. Пусть и хорошо образованной, благодаря тому, что в СССР крестьянским детям везде была дорога. В Еве же «голубая кровь» разбавилась сильнее. Истинной аристократкой была лишь бабка. Но зато с какой родословной! По матери Анненкова, по отцу Шаховская. Два именитых рода объединились, чтобы на свет появилась Элеонора. Если бы не революция, бабка могла стать чуть ли не самой завидной невестой Российской империи. И титул, и богатство. Все при ней. А если прибавить к этому ее невероятную красоту... А потом приплюсовать шарм, обаяние и хитрость...

Да бабка могла бы императрицей стать, если б захотела!

Ева унаследовала бабкину красоту и фамильные черты Шаховских. И даже имя бабка ей сменила: с простецкой Ефросиньи на изысканную Еву. Элеонора родила сына Эдуарда от Петра Новицкого, выходца из поповской семьи, тот тоже женился на самой обычной девушке, и на свет появились Фрося с Дениской. А потом Ева поменяла и фамилию, гордясь наследием предков. А о ближайших родственниках – простолюдинах просто не упоминала.

Но сегодня на вечере в Дворянском собрании она будет представлять не Шаховских, а Анненковых. Из Парижа в Москву прилетел князь Евгений, прямой потомок декабриста Ивана Александровича. Его прадед в семнадцатом году прошлого века эмигрировал во Францию и воссоздал там Дворянское собрание по образцу петербургского. Его дело продолжили сыновья, а потом внук и правнук. Евгений на исторической родине бывал, но ребенком. И вот решил посетить Россию в сознательном возрасте. Еву, как представительницу рода Анненковых, очень просили присутствовать при встрече дорогого гостя. И она не отказала. Даже согласилась на перелет в «экономе» – не столько, чтобы уважить предводителя дворянства, графа Бестужева, сколько желая познакомиться с дальним родственником...

С близкими у Евы отношения как-то не складывались.

До начала приема оставался час. Немного, но этого времени должно хватить на сборы и дорогу. Благо Собрание располагалось в километре, и Ева намеревалась пойти пешком, так быстрее будет. Обычно она опаздывала, когда на пять минут, а, бывало, и на час. Но на этот раз решила явиться вовремя, вспомнив о том, что точность – вежливость королей.

Стоя у зеркала, Ева приводила в порядок волосы и радовалась тому, что ей идут строгие прически. На сложную укладку времени не оставалось, и она сделала высокий пучок. Но чтоб прическа не смотрелась скучно, украсила волосы старинным серебряным гребнем. Купила Ева его на блошином рынке Мадрида, наметанным глазом определив ценную вещь. Уж в чем в чем,

а в антиквариате и украшениях она разбиралась как никто. Даже подумывала открыть шоу-рум со старинными вещами, но пока руки не доходили.

Собравшись за рекордное для роскошной женщины время, Ева прошествовала в прихожую. Перед тем как покинуть квартиру, бросила взгляд в большое овальное зеркало. В него еще бабка смотрелась, когда жила в этой квартире. А внучка наблюдала за ней и восхищалась. Элеоноре тогда было гораздо больше, чем Еве сейчас, но выглядела она лучше многих сорокалетних. В школе родительницы поначалу принимали ее за мать маленькой Фроси. А одноклассники девочки в разговорах называли бабку леди Лина. Голубоглазая блондинка, стройная, элегантная, всегда с иголочки одетая Элеонора на самом деле выглядела как истинная леди. Еве хотелось надеяться, что и она от бабки не отстает. Вот только отражение в зеркале не спешило с ней соглашаться. Нет, внешне она была копией бабки: голубоглазая, белокурая, стройная. Одетая «с иголочки» и с некоторых пор весьма элегантно, хотя раньше предпочитала откровенные наряды с неизменным декольте. Вот только на леди никак не тянет...

«Ты как щенок из помета уличной шавки, на которую взобрался породистый пес по недосмотру хозяина, – как-то выплюнула Еве в лицо бабка. – И пусть экстерьер взяла от родителя с родословной, но нутро-то не спрячешь! Как есть дворяжка!» Это было обидно. Особенно потому, что Элеонора много лет твердила Еве-Ефросинье о том, что именно в ней сосредоточились все фамильные черты Шаховских и Анненковых. Но когда бабка с внучкой разругались, Ева в одночасье превратилась в «дворянку» и «потомство уличной шавки».

А все потому, что Элеоноре никогда не нравилась жена сына Эдика. Она называла ее деревенской дудоней. И не разрешила бы разлюбезному чаду на дудоне жениться, если бы не разочаровалась в нем самом. Дело в том, что дворянский внук и сын весьма достойного отца трижды оказывался в тюрьме. «Откинувшись» после первой трехлетней отсидки, он и женился. Элеонора понимала, что шансов заполучить достойную, по ее мнению, жену у сыночка нет. Потому дала добро на брак. Но когда сын получил второй срок, прокляла его. А его детей после кончины «деревенской дудони» забрала себе.

...Воспоминания о бабке разбередили душу. Ева глянула на себя еще раз. Может и хорошо, что она не точная копия Элеоноры? В самой-то бабке никакого внутреннего благородства не было. Властная, непримиримая, жесткая, она походила разбивала мужские сердца, рушила браки и отнимала жизни. На старости лет вообще сбрендилась, втянув ближайших родственников в дикую игру по поиску фамильных сокровищ². А в результате погибли люди, в том числе ее внук Дусик. Благородство от происхождения не зависит, тут людская натура правит. А у Евы она не хуже Элеонориной. Да, она не святая. Грешила и грешить будет, но ангелочком прикидываться, как бабка, не собирается.

– В аду вместе гореть будем, – процедила Ева и, отогнав прочь воспоминания о старой ведьме Элеоноре, покинула квартиру.

* * *

Не опоздать не получилось. А все из-за пристава. Сначала к ней прицепился попрошайка, потом усатый джигит, в кепке-аэродроме и усыпанных бриллиантами часах «Ролекс» (прибыл в Москву напрямиком из девяностых, не иначе), а в довершение тучная бабенка в цветастом трикотаже, желающая получить автограф. Именно она сильно задержала Еву. Сначала долго искала листочек и ручку, потом рассказывала, как тяжело ей живется в поселке под Калугой, восхищалась обновленной Москвой, в которой не была пятнадцать лет, потом радовалась встрече с Евой Шаховской. Та отмахнулась бы от тетки, но живы были воспоминания о мужике из бизнес-класса, и захотелось почувствовать себя звездой. Потому и про-

---

² События описаны в книгах Володарской «Ее величество случай» и «Карма фамильных бриллиантов».

явила внимание и чудеса терпения. Расписавшись на надорванном билете в Третьяковку, Ева поспешила расстаться с теткой. Странно, своих фанатов она представляла несколько иначе. Ее обожали мужчины всех возрастов и юные девушки, видевшие в ней предмет для подражания.

«Неужто все позабыли? – ужаснулась Ева. – Мужчины вожделеют других, а девочки их же копируют? А Ева Шаховская теперь интересна только замотанным бытом провинциалкам?»

– Наконец-то! – услышала она визгливый голос и встряхнулась. – Ева, дорогая, вы опаздываете!

– Всего на десять минут, – глянув на циферблат усыпанных бриллиантами часов, заметила она.

– Но точность...

– Да, да, помню. Только я княжна, а не королева.

– А выглядите точно как она, – польстил Еве председатель Дворянского собрания граф Бестужев, встречавший гостей у парадного входа. – Но вы и сами знаете. Поэтому водрузили на голову корону...

«Это гребень, – мысленно ответила ему Ева. – Танцовщицы фламенко украшают такими волосы. Мой, наверное, принадлежал любовнице важного синьора, но никак не королеве». А вслух произнесла:

– Дорогой гость, как я понимаю, уже прибыл?

– Вот именно! – всплеснул тоненькими ручками граф. Он был невероятно худ и бледен. Носил исключительно костюмы или фраки, а крашенную в черный цвет редкую шевелюру укладывал гелем волосок к волоску. Еве он напоминал Дракулу из мультфильма «Монстры на каникулах». – Пойдемте скорее, мне не терпится вас друг другу представить.

– Мне нужно припудрить носик, – с милой улыбкой сообщила Ева и направилась в дамскую комнату.

Пробыла она там минут пять. Тянула время из вредности. Ей не понравилось, как вел себя Бестужев. Суетился так, будто сам царь-император воскрес и явился на их прием. Подумавшись, князь из Парижа! Правда, по слухам, действительно чистокровный князь. Белоэмигранты первой волны соблюдали чистоту крови и старались заключать браки только в своем кругу, с отпрысками дворянских фамилий. По крайней мере, в семье Анненковых это было принято. Так что Евгений, в отличие от Евы, не дворянжка, а настоящий породистый кобель. Но тем приятнее будет с ним поиграть.

«Соблазню его и брошу, – решила вдруг Ева. – К черту кровные узы. Не дружила с родственничками половину жизни, нечего и начинать...»

Бестужев чуть ли не танцевал джигу от нетерпения. Увидев выходящую из уборной княжну Шаховскую, кинулся навстречу и схватил под руку.

– Почему вы так нервничаете, граф? Не первый заграничный дворянин у нас в гостях, – спросила Ева.

– Евгений особенный.

– Чем же он необыкновенен? – заинтересовалась она.

– Он наследник огромного состояния.

– Seriously? – Ева остановилась. Графу тоже пришлось притормозить. – И откуда дровишки? Аристократы первой волны если и вывезли фамильные сокровища из России, то все разбазарили в первые годы эмиграции. Заработать капитал на Западе удалось единицам, и Анненковых среди этих богатеев нет.

– А Бернштейны есть.

– Евреи? Не сомневаюсь. Только какое отношение к ним имеет Евгений?

– Арам Бернштейн его отец.

– Тю! Та шо ж ви мне за чистоту крови чесали? – с нарочитым еврейским акцентом пропела Ева.

– Приемный, – терпеливо разъяснил граф. – Бернштейн взял маму Евгения с малым ребенком и воспитывал его как своего. Других детей не народили. Арам умер в прошлом году. Завещал все сыну, но состояние тот получит лишь после женитьбы и появления на свет наследника, не важно какого пола.

– Так он за невестой сюда приехал?

– Именно. Матушка настаивает на том, чтоб Евгений выбирал из своих. Нужна русская девушка благородных кровей. На другую она не согласна, а брак может быть заключен только с ее одобрения.

– Он с мамой приперся? – выпалила Ева и тут же прикусила язык. В благородном обществе грубоватые словечки приравнивались к нецензурной брани.

– Нет, княжна осталась в Париже, – ответил Бестужев, не сдержав недовольной гримасы. – Слаба здоровьем. Но она прислала мне электронное письмо, в котором просила рекомендовать сыну достойных барышень. И если с одной из них у Евгения что-то получится, обещала сделать крупное пожертвование в наш фонд. Сумму оглашать не буду, но поверьте, она более чем впечатляющая.

– Граф, вы что же?.. Хотите свести меня с Евгением?

– Вас? – пораженно переспросил тот. – Нет, что вы. Жениху еще и тридцати нет, а вам... – он помялся, – уже за...

– И что? – напряглась Ева.

– Нет, вы сногшибательно выглядите! И я, уверен, сохраните молодость до преклонных лет, – затараторил граф. – Я же знавал вашу бабушку, а вы ее копия... Но, Ева, милая, вы уже зрелая женщина! А князю Анненкову нужна если не дебютантка, то барышня юная, невинная.

– Это вы так решили или его мама?

– Она, – скис Бестужев. – Но я с нею солидарен. Им же детей рожать. А вы, как я понимаю, их не хотите...

Ладно, не сказал «не можете иметь», поморщилась Ева. Все считали, что княжна Шаховская не рождает не потому, что не хочет, а из-за бесплодия.

– Тогда что же вам от меня нужно?

– Содействия. Вы, как родственница, могли бы взять шефство над Евгением. Вы старше, мудрее, можете дать ему дельный совет.

«В морду бы тебе дать, старый хрыч! – разозлилась Ева. – Ты за кого меня держишь, Дракула ты недоделанный? За вышедшую в тираж тетку, которой больше ничего не остается, как пристраивать дебютанток? Я Ева Шаховская, вечная королева вашего скучного бала...»

Закончить гневную тираду она не успела, так как граф наконец подобрался к сути интриги:

– Вы ведь знаете мою внучку Аллочку? Чудесная девушка, не правда ли? И мила, и образованна, и скромна.

«Так вот где собака порылась! – хохотнула Ева мысленно. – Решил пристроить свою внучку! Засидевшуюся «в девках» тетеху, которую даже милой язык не поворачивается назвать. Дурнушка с юношескими прыщами на двадцатипятилетней физиономии».

– Мне и Аллочку под опеку взять? – насмешливо спросила Ева.

– О, это было бы чудесно! – не уловил ее настроения граф. – В вас столько шарма, а Аллочка, что уж греха таить, подать себя совсем не умеет... Да и перед мужчинами робеет. Но если бы за нее взялась такая женщина, как вы...

– Двое подопечных, это как-то слишком. Вам не кажется?

– Отнюдь. Вы возьмете под одно крыло Аллу, под второе Женю...

– И подтолкну их друг к другу?

– Какая же вы умница, Ева! – чуть не захлебнулся восторгом Бестужев. – Я бы даже сказал, уникам. Вы словно мои мысли прочитали... – Граф так крепко ухватил Еву за локоть, что она поморщилась. – Так что, вы согласны?

– Я подумаю... – ответила она туманно и поспешила высвободиться из цепких, похожих на птичьи, лапок предводителя дворянства. – А теперь пойдете знакомиться с моим родственником. Теперь уже *мне* не терпится.

Лакей, в подобающем случае камзоле, распахнул перед Евой двери в зал. Парадную залу Дворянского собрания украшали гирлянды из флажков. На миниатюрных кусочках ткани множился герб рода Анненковых. Щит из четырех частей, верхняя левая – красная, на ней пробитое копьем сердце. Редкий символ, именно по этой детали Ева и узнала герб своих предков. Остальная символика: звезды, кресты, птицы, попадалась и на многих других гербах.

Вообще-то Ева ветвью Анненковых интересовалась мало. Шаховские были ей ближе. Однако перед приемом освежила скудные знания посредством Интернета. Вспомнила, что декабрист Анненков был отправлен в Сибирь в кандалах. Три года провел в остроге, потом отправился на поселение, пока ему, по ходатайству матери, не разрешили поступить на гражданскую службу. В Сибири Иван Александрович провел тридцать лет. Но в Петербург так и не вернулся – власти не пустили. Как и в Москву. Семья осела в N-ске, где Анненков был выбран уездным предводителем дворянства. В N-ске же Иван Александрович умер и был похоронен.

– Ева, приготовьтесь, – услышала она нервный шепот Бестужева. – Перед вами Евгений, и мы направляемся к нему.

Княжна Шаховская тут же собралась. Будто супергероиня перед атакой, активизировала свои сверхспособности. Как-то: шарм, сексуальность, кошачью грацию, магнетический взгляд... Один из ее бывших любовников говорил, что, включая режим атаки на мужчин, она даже несколько иной запах источает, более призывный и дурманящий.

– Дорогой Евгений, разрешите познакомиться вас... – застрекотал предводитель, кидаясь к Анненкову.

Ева осталась на месте, чтобы на расстоянии рассмотреть парижского гостя.

Довольно высокий, крепко сбитый, но не толстый. Белокожий и румяный. Большие карие глаза и каштановые кудри, спускающиеся на лоб. На аккуратном носике редкие веснушки. Хорошенький, отметила Ева. Но совсем не в ее вкусе. Похож на плюшевого медвежонка. И выглядит года на двадцать три. У Евы были любовники и такого возраста, но в них была мачистость. А Евгений – это одна сплошная мимимишность. Такого не в койку тащить хочется, а щекотать, гладить по пузику и умиляться.

И все же Ева не была разочарована. Такого увальня легче будет очаровать, а именно это она и намеревалась сделать. Не Аллочке же прыщавой его отдавать!

Бестужев познакомил родственников. Евгений поцеловал Еву руку. Она одарила его многообещающим взглядом. Он зарделся.

– Не выпить ли нам шампанского? – проворковала Ева.

– С удовольствием, – ответил Евгений с мягким акцентом.

И они, позабыв о предводителе, направились к бару.

Аня

Она пыталась не плакать, провожая детей до машины. Но глаза все равно были на мокром месте. Свекровь это заметила и ободряюще похлопала по руке.

– Все будет хорошо, дорогая, – ласково проговорила она. – Не переживай.

– Я не... – голос сорвался. Аня прижала руку ко рту, чтобы заглушить всхлип.

– Переживаешь, я же вижу.

– Нет, тут другое, – справившись с собой, возразила Аня. – Я уже скучаю по ним, а ведь Лина с Лешей еще от дома не отъехали.

– Понимаю тебя. Когда я первый раз отправила сына в загородный лагерь на три недели, уже на следующий день приехала, чтобы забрать его оттуда. Но Петр не поехал, сказал, пора мне привыкать к самостоятельности.

– *Вам?* – переспросила она.

– Именно, – рассмеялась Надежда Григорьевна. – После того как папа Пети скончался, он стал считать себя главой семьи. Тогда ему было шесть. Как и твоим деткам.

Лина и Леша, добежав до машины, остановились и обернулись. На мордашках ни следа грусти, только нетерпение. Близнецам хотелось поскорее попасть в аэропорт, сесть в самолет и улететь на солнечный берег Турции. В поездку их сопровождала бабушка. Она же выбирала отель, учитывая все пожелания внуков. Лине требовалась первая линия, бар с молочными коктейлями и мороженым на пляже, а также мини-зоопарк на территории. Леше аквапарк и тот же зоопарк, но чтобы обязательно были лошади. В найденном отеле из лошадей имелись только пони, однако мальчик согласился и на них. Он, в отличие от сестры, готов был к компромиссам. Элеонора же стояла на своем до конца. Однажды ей пришлось остаться дома с няней, тогда как вся семья отправилась на новогоднее представление в цирк. А все потому, что юная капризуля наотрез отказалась надевать шапку, опасаясь испортить высокую прическу, увенчанную диадемой. И даже шаль ее не устроила. Равно как и стеганое пальто с капюшоном, не гармонирующее с нарядом принцессы.

– Я не расставалась с ними дольше чем на день. Не представляю, как проживу в разлуке две недели.

– Привыкай к самостоятельности, Анечка.

– Еще и Петр в Париже, – шмыгнула та носом.

Все-то ее бросают, несчастную: и муж, и дети.

– Ты же знаешь, он никак не мог перенести командировку, – строго заметила свекровь.

– Я все понимаю. Клиент попал в беду, и ему потребовалась помощь адвоката... – Анин супруг, Петр Моисеев, возглавлял крупную юридическую фирму, в которой был не только боссом, но и главной звездой. – Но я надеялась, что Петр не задержится во Франции надолго. А он даже не знает, когда вернется.

– А ты посмотри на ситуацию с другой стороны.

– Как это? – растерянно спросила Аня.

– Тебе выпала возможность заняться собой, и только собой. Отоспись, походи по салонам, магазинам. Именно походи, а не просто пробегись. Побалуй себя, любимую.

Но Аня так не умела. Да, она следила за собой: стриглась у модного стилиста, посещала косметолога, спортивный зал, отбеливала зубы, но все это делала не в удовольствие, а по необходимости. Анин муж был не только образован, успешен, богат, но и собою хорош, и элегантен, и харизматичен, а она... была самой обычной. И это только в последние десять лет, до этого же... Рвань из коммуналки, необразованная, закомплексованная дурнушка в шмотье из секонд-хенда. Она на внимание обычных-то мужчин не рассчитывала, а уж о полубоге Петре Моисееве и мечтать не могла. Но свершилось чудо, и он полюбил Анну. Не сразу, конечно.

Сначала пожалел ее, потом начал проникаться симпатией, а потом симпатия переросла в восхищение. Петр восторгался человеческими качествами Ани, ее порядочностью, чистотой, добротой, но не видел в ней женщину. Пришлось постараться, чтобы это исправить. И начала Аня, как все представительницы прекрасного пола, со смены прически: подстриглась, покрасилась. Дальше больше: она сменила гардероб, записалась в спортзал и солярий. Преобразившись внешне, занялась саморазвитием: поступила сразу в два института, записалась на курсы вождения и этикета. Благо деньги на весь этот «тюнинг» буквально свалились с неба.

Оказалось, что Анька Железнова, рвань из коммуналки, не родная дочь своей никудышной мамы. Ее настоящие родители – замечательные люди, а бабка, Элеонора Георгиевна, так и вовсе княжна Шаховская, последняя чистокровная аристократка в роду. Именно благодаря бабке Аня с Петром и познакомилась: она – единственная наследница, он – адвокат и душеприказчик. Получив «однушку» на окраине и садовый участок, Аня чуть от счастья не умерла. Переехать из коммуналки в отдельное жилье было пределом ее самых смелых фантазий. Но оказалось, что кроме старой квартиры и шести соток, на которых догнивал сарай, Аня унаследовала от бабки коллекцию фамильных украшений баснословной стоимости. И вот для того, чтобы драгоценности точно получила Аня, а не заграбастал сынок-бандит и его алчные детки, Элеонора Георгиевна Петра Моисеева и наняла³.

Та история закончилась хорошо. Не для всех участников, но для Ани точно. И дело тут не в деньгах... Тыфу на них! Главное, она обрела родителей и лучшего на свете мужа. И вот он, именно он, Аню балует. Детей нет – с ними он довольно строг. Подчиненные его побаиваются. Клиенты, среди которых попадают люди с богатым криминальным прошлым, уважают не только за профессионализм, но и за суровость. И только с Аней он размякает. Да, бывает, отчитывает, но с каждым годом все реже. В начале отношений у Моисеевых случались конфликты, а один раз Аня даже хотела уйти от мужа, заподозрив его в измене, но ей хватило ума не пороть горячку. Они сохранили семью, и в ней вскоре появилось пополнение. Элеонора и Алеша превратили Анину жизнь из прекрасной в идеальную. Даже не верилось, что так бывает...

Не в книгах или кино – в реальности.

Поэтому она так боялась за всех. А особенно за детей. Но еще и за папу. Он уже старенький, хоть и бодрый. Ане хотелось, чтоб он переехал в Москву и жил по соседству. Но Сергей Георгиевич Отрадов, бабушкин брат по отцу, не желал покидать Светлогорск. Он часто прилетал, чтобы навестить дочь и внуков, снова и снова заставляя Аню волноваться: она боялась, что разобьется самолет или папе станет плохо в полете, а на борту не окажется врача...

Ей было спокойнее, когда он жил с ее мамой Еленой. Воссоединившись после двадцати пяти лет разлуки, пожилой мужчина и зрелая женщина попытались создать семью. Но не получилось у них. Некоторое время они продолжали делать вид, что все прекрасно, не желая расстраивать новообетенную дочь. Но когда Елена не прилетела на день рождения Сергея из Баден-Бадена, где регулярно лечила желудок, Аня поняла, что отец и мама не вместе. Папа подтвердил. Объяснять ничего не стал, сказал только, что они очень разные. Елена тоже не стала с дочкой откровенничать. У них не сложились отношения. Ане казалось, будто мать ее немного побаивается. Есть такие одинокие женщины, которые сторонятся детей. Дичатся их. Елена до пятидесяти трех лет прожила с мыслью о том, что бездетна. Ее убедили в том, что ее дочь умерла, а других детей Елена, чуть не скончавшаяся при родах, завести не смогла... Да и не хотела, иначе взяла бы сироту из детдома. Она занималась политикой, вела активную жизнь, была вполне счастлива. Об умершей дочке перестала вспоминать, разве что о ее отце, любви всей своей жизни. Но и с ним Елена не желала встречаться, потому что это она его обожала, а он всего лишь позволил себе слабость и закрутил романчик с втюрившейся в него девчонкой.

---

³ История описана в книге Володарской «Ее величество случай».

Узнав о том, что дочь не умерла, а была отдана на воспитание, Елена несказанно обрадовалась. Встретившись с Аней, обнимала ее и плакала. Думала наверстать все упущенное. Мечтала о тесной дружбе с уже взрослой дочерью. Но не смогла преодолеть барьер, который сама же и возвела. Причины охлаждения чувств не мог понять никто. Они много общались первое время, говорили, смеялись, сплетничали, но все равно не сблизились. Елена не чувствовала родства душ. В отличие от Сергея, который полюбил Аню сразу и безоговорочно. И чувство оказалось взаимным. Если бы была жива проникательная Элеонора, она сразу поняла бы, что Елена ревнует. Она всю жизнь любила Сергея, ждала его, а когда судьба их вновь свела, между ними, как всегда, встала женщина. Да, дочь... Но что это меняет?

Аня так глубоко задумалась обо всем этом, что не заметила бордюра, и, запнувшись, едва не упала. Хорошо, свекровь успела подхватить ее под локоть.

– Что-то ты совсем расклеилась, – покачала головой она. – Бери себя в руки. Еще не хватало детям твою скорбную физиономию видеть. Не порть им настроение перед путешествием.

– Я стараюсь, – и растянула губы в подобии улыбки.

– На Джокера сейчас похожа.

– Может, мне взять путевку и прилететь к вам завтра-послезавтра?

– Аня, у тебя незаконченный проект, – напомнила свекровь. – Из-за него ты и не смогла никуда поехать.

И Надежда Григорьевна была права. Все из-за него – распроклятого проекта. У них было заведено на майские праздники отправляться в теплые края. В России еще довольно прохладно, а где-нибудь на средиземноморском пляже уже тепло, но не жарко. Комфортно, одним словом. Можно загорать и купаться. Еще они посвящали пляжному отдыху неделю в октябре, чтобы дети надышались морским воздухом перед долгой зимой. Они привыкли к этому. А в этом году Аня не смогла поехать вместе с детьми. Она – как успешный флорист и ландшафтный дизайнер, получила заказ на оформление паркового комплекса в гольф-клубе. От такого заказа отказался бы только дурак, вот и пришлось сообщить своим, что не сможет вырваться на отдых в мае. Все расстроились, но Петр быстро нашел решение. Дети едут на море с его мамой, а они остаются в Москве. Но если у Ани выпадет хотя бы несколько свободных дней, слетают в Париж. Вдвоем! Чего не делали ни разу после рождения близнецов. Но все планы пошли прахом. Петр был вынужден улететь в Париж по работе, а Аня остается в одиночестве.

И это ужасно!

– Мам, смотри, – закричала Лина и ткнула пальчиком куда-то за спину Ане. – Данилка!

Обернувшись, она увидела в окне их пса. Он смотрел на хозяев, вытаращив карие глаза, и стучал лапой по стеклу. Решил, что его забыли. Моисеевы всей семьей почти каждую неделю уезжали на дачу и псину всегда брали с собой.

– Прощается с нами, – засмеялся Леша и помахал Данилке рукой.

Пес задрал морду и, судя по всему, завыл. В режиме «без звука» выглядел он поистине комично. А все потому, что бедный зверь не хотел оставаться один на один с кошками. Юнона и Авань, близнецы сиамской породы с манией величия, третировали добродушного Данилку. Они воровали у него еду, прятали его резиновые косточки и мячики, играли с его хвостом и ушами. Здоровенный пес, помесь кавказской овчарки и крупной дворняги, мог бы раздавить тощих котов одной левой лапой, но он терпел их выходки, лишь иногда рыкая.

– Мам, можно нам его с собой взять? – спросила Элеонора.

Данилка был нянькой близнецов, и дети испытывали огромную к нему привязанность.

– В нашем отеле с животными нельзя, – ответил ей брат. – Я уже узнавал.

Леша был очень развит для своего возраста. Он не только отлично читал и считал, но и вполне сносно говорил по-английски. Еще он был обстоятельным и рассудительным. Тоже не по годам. Как говорила свекровь, этим пошел в отца. Логично было бы предположить, что Лина возьмет многое от мамы. Но нет, этого не случилось. Сергей Отрадов считал, что дочка точная

копия прабабки Элеоноры, в честь которой ее и назвали. В том числе внешне. Необыкновенно красивая девочка привлекала внимание рекламщиков и телевизионщиков. Лину (через родителей, естественно) не раз приглашали сниматься для журналов и на телевидение – участвовать в конкурсах «Маленькая Мисс». Но Петр был категорически против. Он даже велел Ане удалить Линин аккаунт в «Инстаграм». Аня поддалась на уговоры дочери и создала ей страничку. У многих подружек Элеоноры они были. Некоторые там даже деньги зарабатывали, размещая рекламу. Понятно, что все это придумали их мамашки, но девочки очень гордились тем, что им удастся попасть «в топ». Сравнивали, у кого больше подписчиков, хвалились «лайками».

– И это в шесть-семь лет! – возмущался Петр. – А что с ними в тринадцать будет? Станут девственность свою через интернет-аукционы продавать?

Аня считала, что муж перегибает палку. Ничего плохого в том, чтобы дочь имела свой аккаунт и иногда снималась в рекламе шоколада или детской косметики, она не видела.

– Зачем? Чтоб заработать? Но мы богаты. Покрасоваться? Но наша дочь и так от зеркала не отходит, а ты еще хочешь ее в телевизор пустить. Реализовать себя? Но ты же не угрохала свое наследство на то, чтобы прославиться, а пошла учиться, начала развиваться как личность.

– Я – другая! – отвечала Аня.

– И слава богу! Потому что ту, в которую превратится наша дочь, если мы ее в столь раннем возрасте отдадим на растерзание стервятникам из шоу-бизнеса, я бы не любил.

– Но Леше ты позволил сняться в передаче «Вундеркинды»!

– Там он бегло переводил фразы с английского на русский и занял второе место, уступив девятилетнему. Если Лину пригласят в подобное шоу, я возражать не буду.

На том и порешили. Но Лина умом блистать не собиралась. Только красотой. Оба родители надеялись, что у дочери появится тяга к знаниям, однако Аня в этом сомневалась. Ей дочка напоминала не Элеонору Георгиевну Новицкую, в девичестве Шаховскую, а ее внучку Ефросинью. Пожалуй, окажись они вместе: Лина, Аня и Фрося, именно последнюю приняли бы за мать девочки... А Аню за ее няню.

Ефросинья уродилась красавицей и, планируя будущее, именно на внешность свою надеялась. Высшее образование необходимо дурнушкам, считала она. Быть просто страшненькой все же лучше, чем страшненькой душой. А вот умная и привлекательная – это уже перебор. Мужики таких боятся. Поэтому Ефросинья сражала наповал своей красотой и сексуальностью. Не то чтобы она была глупа, но интеллект старалась не демонстрировать. И развиваться не хотела, доверяя одним инстинктам...

Именно из-за нее супруги Моисеевы чуть не развелись. Ефросинья одолевала Петра. Атаквала, пуская в ход тяжелую артиллерию. Тот изо всех сил оборонялся. А это было трудно, ведь Ефросинья умудрилась стать его клиенткой. Они часто виделись, и она так нуждалась в помощи. Нет более желанной особы для мужчины, чем несправедливо обиженная красавица. По крайней мере, для Петра. Эту его слабость Ефросинья вычислила моментально. Принцесса, заточенная в башню злой мачехой. Как не спасти такую? Разве он не рыцарь? Потом получить от спасенной красавицы поцелуй, ускакать в закат и жить долго и счастливо. Но Петр устоял перед соблазном. По крайней мере, он в этом клялся. И Аня ему верила. У нее не было другого выбора. Она так любила Петра, что не представляла без него жизни... Да еще беременной была на тот момент. Оставить детей без отца из-за неуверенности в себе? Именно так рождается ревность и рушатся семьи. Но Аня справилась.

...Сейчас она сама себя ругала за то, что нет-нет да вспоминала ту историю. Семь лет прошло, Петр за это время ни разу с Ефросиньей не виделся... А у них, Моисеевых, так все хорошо, что даже страшно.

* * *

Таксист устал ждать и посигналил.

Аня бросилась к детям, чтобы обнять их. Леша вел себя сдержанно. Ткнулся присевшей на корточки матери в грудь, похлопал по плечу и сказал «буду скучать». Удивила Элеонора. Она повисла у Ани на шее и зашмыгала носом.

– Не плачь, – попросила она, – а то я сама разревусь.

– Мне мошка в нос попала, – пробормотала Лина и отстранилась. – Ты же без нас не пропадешь?

– Все будет хорошо.

– Если папа в ближайшие дни не вернется, зови деда.

– Маме пора привыкать к самостоятельности, – улыбнулась свекровь. – Садитесь в машину, надо ехать.

Дети забрались в салон. Лина прилипла к стеклу. Глазенки грустные. Еще две минуты назад хохотала и нетерпеливо припрыгивала, а теперь куксится. Это так на нее не похоже! Девочка была скупа в проявлении чувств. Разве что на деде висла. Но Сергей Отрадов обаял и зятя, и его мать, и внуков, и даже зловредных кошек. А Аня никак не могла поверить, что достойна любви. Поэтому ей иногда казалось, что Лина относится к ней просто с симпатией и благодарностью.

Об этом она не говорила ни мужу, ни отцу. Знала, что они ей начнут вправлять мозги. Увещевать и поругивать. Но Аня выросла в нелюбви. Приемная мать, Шурка Железнова, ее лишь терпела. И то с трудом. Закрывала в шкафу, когда приводила домой мужиков. Ревновала к ним подростковую Аню. Когда та устроилась работать на винзавод, заставляла воровать для них водку. Не заступалась, если они крыли Аню матом и выгоняли за порог. На Шурку нормальные не зарились. Дебоширы да пьяницы. В школе над Аней смеялись. Из техникума выперли. Как и с завода винного – когда попала на краже. Кто ящиками воровал, тем ничего, а она из-за бутылки полетела со своего места. Хорошо, что без последствий.

Первым человеком, который отнесся к ней по-хорошему, оказалась бабуся Элеонора Георгиевна. И тогда Ане уже двадцать три исполнилось.

Две трети жизни она прожила в нелюбви...

И до сих пор ждала подвоха.

Такси тронулось с места. Аня помахала вслед.

Она думала, что едва машина скроется из виду, слезы хлынут из глаз. Но нет, получилось сдержаться. Присев на лавку во дворе, Аня задрала голову и нашла взглядом свое окно. Данилка таращился на нее, наострив уши. Он убедился в том, что его не бросили, но не понимал, почему держат в квартире, если можно выпустить. Но выгуливать пса Аня не собиралась. Ей хотелось забраться на диван с огромным блюдом соленого попкорна и посмотреть запись с последнего (крайнего, тут же саму себя поправила Аня) семейного отдыха. Потом позвонить мужу, услышать родной голос, а уже ближе к вечеру выйти с Данилкой на улицу.

– Вы внучка Элеоноры Георгиевны Шаховской? – услышала Аня густой бас и обернулась.

В паре метров от нее стоял импозантный мужчина. В годах, но стариком его язык бы не повернулся назвать. Пожилой господин. Только так, и никак иначе.

– Простите?

– Я ошибся?

– Моя бабушка носила фамилию Новицкая.

– У Линочки было столько мужей, что всех и не упомнишь, – отмахнулся мужчина. – Я познакомился с ней, когда она была Заславской.

– В каком же это было году?

- Еще до Великой Отечественной войны.
- Выходит вам...?
- Мне восемьдесят четыре, юная леди.
- Ни за что не дала бы! – ахнула Аня и, спохватившись, сказала: – Меня Аня зовут.
- Благодарю за комплимент, – улыбнулся пожилой господин и тоже представился: – А я Андрей Геннадьевич. Мы с вашей бабушкой были соседями. Жили на одной лестничной клетке.
- Тут, в Москве? – решила проверить его Аня.
- В Ленинграде. Она приехала в Северную столицу вместе с мужем. А я там родился. На момент знакомства мне было шесть с половиной лет. Ей... Я точно не знаю сколько. Лет двадцать пять. Она детей не особо любила. Избегала меня. Что неудивительно, я ведь все время лез к ней. Обожал ее безмерно. Хотел играть с взрослой красавицей из соседней квартиры, а не с детворой со двора. Если бы не война, мы бы не подружились.
- Извините, что прерываю... Но как вы меня нашли?
- Я не искал, – мужчина опустил на лавку рядом с ней.
- Встретили случайно и сразу поняли, что я внучка Элеоноры? – Аня была наивной, но не до такой степени.
- Нет. Я все расскажу, позвольте закончить.
- Хорошо, – смиренно проговорила она.
- Мы пережили блокаду вместе с Линой. Мой отец ушел на фронт и там погиб. Ее муж, врач, тоже. Госпиталь, где он оперировал, разбомбили. Я остался с мамой, но она умерла от голода. Как и многие в нашем доме. А мы с Линой жили. Помогали друг другу чем могли. Больше она, как взрослая. Но и я в долгу не оставался. Защищал ее. В Ленинграде тогда неспокойно было. От голода люди сходят с ума и начинают вести себя как дикари. Грабежи, нападения. А я мог постоять и за себя, и за свою даму. Дрался, как бес. Охранял продукты и Лину. Из Ленинграда меня вывезли раньше. Детей эвакуировали первыми. Ее через пару месяцев. Мы потерялись надолго. Но я искал Линочку, когда повзрослел. Долгие годы.
- До сегодняшнего дня? – предположила Аня.
- Нет, что вы. Мы встретились в шестидесятых, когда я уже отчаялся когда-либо ее увидеть. У одного художника в гостях.
- Не Кон-Невского, случаем?
- О, вы знаете о нем?
- Да. И являюсь поклонницей.
- Он был потрясающим художником. И моим другом детства. Того самого, блокадного.
- И что же Элеонора? Узнала вас?
- Не сразу. Но, когда я назвался, кинулась мне на шею. Все были в шоке. Элеонора славила своей сдержанностью, а тут такой взрыв эмоций...
- Кем вы на тот момент работали?
- Я историк и искусствовед.
- Значит, зарабатывали немного.
- Тут вы правы, – чуть смущенно проговорил он.
- Значит, Элеонора держала вас во френд-зоне.
- Где, простите?
- Дружила с вами, и только.
- А я на другое и не претендовал, – сдержанно улыбнулся Андрей Геннадьевич. – Дело в том, что я... так сказать... имею нетрадиционную ориентацию.
- То есть вы гей?
- Никак не привыкну к тому, что современная молодежь считает это нормальным. В наше время приходилось скрывать свои наклонности. Даже жениться для виду.

– Сейчас это тоже практикуется. Но вы же были влюблены в Элеонору?

– Да. Долгие годы. Но все девушки, с которыми я знакомился, ей в подметки не годились. Я сравнивал их с Линочкой, и они переставали мне нравиться. Потом познакомился с женщиной, в котором было много того, что я хотел видеть в предмете своей любви: аристократизм, сила духа, красота. Мы стали встречаться, потом поселились под одной крышей, стали семьей... Увы, умерли не в один день. Мой любимый погиб двадцать три года назад, а я все еще копчу небо. Тогда Линочка очень поддержала меня. Если б не она, я бы с собой покончил.

– Если Элеонора так много для вас значила, почему не навещали ее в последние годы жизни? Она была совсем одна.

– Она разорвала все свои связи, когда съехала с квартиры на Арбате.

– Ее выгнала оттуда внучка.

– Не удивлен. Фрося мне никогда не нравилась. Самовлюбленная и злобная. Она уже в юности была настоящей стервозиной. И считала, что все должны падать к ее ногам лишь потому, что уродилась хорошенькой.

– Она красавица, – вздохнула Аня. – Вся в Элеонору.

– Ой, да перестаньте. Ничего особенного! До бабушки Фросе, как до луны.

Как Ане ни было приятно слышать нелестные отзывы о сопернице (она до сих пор воспринимала Ефросинью так и ничего не могла с собой поделать), но разговор явно затягивался. Старикам только дай волю, они часами будут вспоминать о прошлом, а Ане домой надо. Она вспомнила о том, что, собирая детей, забыла насыпать корма животным. Они там голодные, а это чревато. Пес измусолит очередные тапочки хозяйки, а кошки нагадят в их останки.

Андрей Геннадьевич заметил ее нетерпение и начал извиняться за то, что отнимает время.

– Вообще я хотел с Петром Моисеевым встретиться, – сказал он после. – Мне сказали, что его нет в офисе, и я приехал сюда, к дому.

– Откуда вы узнали, где мы живем? – напряглась Аня.

– Дал кое-кому денежку, и мне сообщили адрес.

– Кому?

– Анечка, какая разница?

– Секретарю? – У мужа была новая помощница – бессменная Катенька вышла замуж за грека и уехала жить в Салоники.

– Нет. В самой фирме со мной никто не стал разговаривать. Но возле здания есть стоянка такси, а ваш муж иногда пользуется услугами... В общем, мне не только дали адрес, но и доставили сюда.

– Понятно.

– Водитель сказал, что у Петра есть жена и детки-близнецы. Я никак не мог подумать, что его супруга – внучка Элеоноры. Для меня это было шоком.

– Но как вы узнали, что я – это я?

– Жена Петра? Я наблюдал сцену прощания с детьми и свекровью. Услышал имя Петр и догадался, что вы госпожа Моисеева.

– Нет, я хотела спросить, с чего вы взяли, что я ее внучка?

– Вы назвали дочь Линой. Элеонорой, не так ли? В честь своей бабушки? На которую вы очень похожи!

– Бросьте.

– Я вас уверяю.

– Андрей Геннадьевич, меня родила приемная дочь Элеоноры Георгиевны. Я не могу быть на нее похожей.

– Но она родила вас от Сергея Отрадова, брата Лины.

– Откуда вы знаете?

– Напоминаю, я был очень хорошим другом вашей бабушки. Я хранил много ее секретов, в том числе этот. И о «Славе» я знаю. Хранителем бриллианта она сделала не меня, а Кон-Невского, зато доверила мне другую тайну.

– Какую?

– «Слава» – наследство отца. Сокровище рода Шаховских. Но у Анненковых, а ее мать в девичестве носила эту фамилию...

– Я в курсе. Ее звали Ксенией. Вместе с родителями и крохотной дочуркой она собиралась покинуть родину, потому что ее муж, князь Шаховской, принял новую власть и даже вступил в партию. Но аристократическое семейство не выехало за границу. Всех, кроме девочки, убили в усадьбе Анненковых. Ксения успела зарыть фамильные ценности обоих родов в склепе. Под могилой своего деда. Их впоследствии нашла подросток Элеонора, – скороговоркой выдала Аня. – Я очень хорошо знакома с этой историей. Она, можно сказать, у меня от зубов отлетает.

– Хорошо. Значит, я могу сэкономить ваше и свое время и перейти сразу к сути.

– Будьте так любезны.

– В том ларце, что княгиня Ксения зарыла в могиле предка...

– Не было никакого ларца. Это все байки. Драгоценности были завернуты в рогожу и помещены в огромную кастрюлю. В таких супы для званых обедов варили. Я прочла это в дневнике бабуси.

– Пусть так. Но в этой кастрюле было то, что может сравниться по ценности со «Славой». Пусть не по финансовой, а по исторической. И это Линочка завещала мне.

– У меня два вопроса... Нет, три. Первый: что это за ценность? Второй: при чем тут мой муж? И последний: почему вам?

– Начну с конца. Я историк, искусствовед.

– Помню-помню.

– Только я оценю по достоинству это чудо! Это не мои слова – Лины. Она говорила, «Славу» – девочкам. Пусть камень делает то, что должен, то есть приносит удачу наследникам рода Шаховских.

– А кому конкретно достанется удача, бабуля не сказала?

– Нет. Я был уверен, что бриллиант, как и все остальные драгоценности, достанется Фросе. Но раз она выгнала бабушку из собственного дома...

– А далее? По пунктам?

– Адвокат Моисеев был душеприказчиком и адвокатом Лины. С кем же мне еще беседовать, как не с ним?

– Но если бы Элеонора Георгиевна вам что-то оставила, с вами бы связались, не так ли?

– Так. Но я последние одиннадцать лет числился как пропавший без вести.

– И где же вы пропадали?

– Это очень грустная и немного фантастическая история... Вам некогда ее слушать.

Аня посмотрела на окно кухни. Данилка все еще грустно смотрел на нее. Пес был таким крупным, что, когда ставил лапы на подоконник, выглядывал чуть ли не по пояс.

– Расскажите, – попросила Аня.

– Незадолго до своей смерти мне позвонила Линочка. Сохранила мой телефонный номер, я и не чаял...

– У нее была записная книжка, с которой она не расставалась десятилетиями.

– Все та? С Жар-птицей на обложке?

– Нет, с хохломским узором.

– Так вот, она позвонила и предложила встретиться. Я обрадовался, сразу побежал за билетом до Москвы. Когда приехал в столицу, на вокзале взял такси. Вез для Линочки подарка, набралось две сумки. Плюс моя с вещами, с такой поклажей на метро с пересадками тащиться

тяжело. Поэтому сел к первому попавшемуся бомбиле, не подумав о том, что тот может меня ограбить.

– Он на вас напал?

– Увы. Я хорошо одет, с кожаными сумками. Приезжий. Старый. А Лина жила у черта на рогах... – Андрей Геннадьевич вытащил из нагрудного кармана платок. Аня подумала, что мужчина собирается плакать, но нет, платок он протянул ей со словами: – У вас на щеке помада, вот тут...

Свекровь чмокнула, поняла Аня и послушно вытерла лицо.

– В общем, завез меня бомбила. По башке дал, часы, кошелек, сумки забрал, не побрезговал и пиджаком с ботинками, а меня выкинул из машины. Очнулся – ничего не помню. Вообще. Пошел милицию искать. И перед отделением увидел доску «Разыскиваются». Глянул мельком да и застыл... На одном из фото – я. И ищет меня милиция, как убийцу двоих человек. Вы можете спросить, откуда я знал, как выгляжу. Все же забыл! Но я в гаражах нашел умывальник на улице. С зеркалом, и посмотрел на себя, пока кровь смывал. Я тут же бросился бежать. Подальше от участка. Нашел укромное местечко где-то в подвале, стал думать, что делать.

– Вы так сразу поверили в то, что убийца? Подумаешь, человек на портрете на вас похож!

– Я чувствовал в себе злость. И способность к насилию. А еще у меня наколки. Как и у многих сирот, росших в послевоенные годы. И они похожи на тюремные. Все, как мне казалось, говорило о том, что разыскиваемый преступник – именно я.

– И что же вы сделали?

– Знаете, Аня, что удивительно... Я забыл ту часть своей жизни, в которой я ученый, искусствовед. А детство-юность помнил. Драки, бродяжничество, голод, все казалось знакомым и привычным. Я знал, как выжить.

– Вы стали бомжом?

Аня с недоверием посмотрела на Андрея Геннадьевича. Бездомные в сорок лет на семьдесят выглядят. Этому пожилому господину тоже можно дать лет семьдесят, но на самом деле ему восемьдесят четыре. Как он умудрился так сохраниться?

– Я не алкаш, не наркоша, – ответил на ее немой вопрос Андрей Геннадьевич. – Меня не били, не гоняли собратья, потому что считали авторитетным уркой. Вольная жизнь меня даже омолодила. Да, когда меня нашли, я был помят, грязен, не чесан, но это все исправляется за несколько дней. На то, чтобы отъесться, вставить зубные протезы, вылечить кое-какие кожные заболевания, у меня ушел месяц.

– Кто вас нашел?

– Сынок.

– Пойдите... – Аня вдруг подумала, что старик может быть сумасшедшим, и напряглась. – Но вы же?..

– Гей. И что? Мы с любимым усыновили мальчика. Не официально, естественно. Да и не мальчиком он уже был, а восемнадцатилетним парнем. Мы его на улице отбили у шпаны. Те лупили педика, мы вступились. Привели домой, подлечили, да так и оставили – он приезжим был. Мы его сынком звали, он нас по именам.

– Выходит, он вас одиннадцать лет искал?

– Я предупреждал, что история немного фантастическая, поэтому не удивляйтесь тому, что я сейчас скажу: сынок не искал меня вовсе. Случайно наткнулся. На улице. Я у метро побирался, а он мимо шел. Узнал. И я его. Сразу! Хотя мы оба очень сильно изменились. Тогда ко мне память начала возвращаться, а после сеансов у психиатра стопроцентно восстановилась. Даже то, что по старости забыл, воскресил. Представляете?

– Почему сынок вас не искал?

– Мы рассорились после смерти моего любимого. Я страшно переживал и нуждался в поддержке. Но сынок собрался на другой конец страны. Я обиделся, накричал, обозвал небла-

годарным... И мы потерялись. А нашли только спустя двадцать лет. – Старик улыбнулся, сверкнув новыми протезами. – Теперь я полностью восстановился. Чувствую себя превосходно. Готов прожить еще как минимум одиннадцать лет, чтобы наверстать годы бродяжничества.

История Андрея Геннадьевича действительно была немного фантастичной, но с Аниной не сравнить. Ее – самая настоящая сказка о Золушке и прекрасном принце. Поэтому она поверила мужчине. Тем более не трудно его историю проверить. Петр, когда вернется, займется этим, если посчитает нужным.

– Лина все завещала вам, не так ли? – услышала Аня голос Андрея Геннадьевича. Она отвлеклась, вновь глянув на свое окно. Проверила Данилку. Он оставался на боевом посту, и это радовало. Значит, тапки пока живы.

– Наследников оказалось несколько, – ответила она, не сказав, что некоторым из них досталась «дырка от бублика»: Фросе-Еве коллекция конфетных фантиков, а ее брату старый зонтик. – Но среди них не было вас. Кстати, вы не назвали свою фамилию.

Последнюю фразу он как будто не услышал.

– Анечка, я говорю не о всякой ерунде, к коей могу причислить халупу, в которой Лина жила последние годы. Я о драгоценностях. Она их спрятала. И оставила указание, где искать настоящим наследникам. Я все знаю. Ваша бабушка мне и об этом рассказывала. Затеицей была страшной. Развлекала себя ребусами да шарадами. Больше составляла, чем разгадывала...

– Украшения тоже были поделены между всеми родственниками.

Это было не совсем так. Каждому члену семьи Элеонора Георгиевна разрешила выбрать один предмет. Кроме гарнитура Шаховских, который, как и остальные драгоценности, отошел Ане.

– А «Славу»? Его она вам оставила, признайтесь? – не унимался старик.

– Его не существует.

– Да, я слышал, будто он сгинул. Это правда? – Аня кивнула. – Ходило множество слухов. Искусствоведы, антиквары, коллекционеры... Многие искали камень, но в тот период я бомжевал, поэтому до меня донеслись лишь обрывки...

Он что-то еще болтал, но Аня уже не слушала. Пришло ощущение того, что ей заговаривают зубы. Не просто по-стариковски чешут языком, а, если использовать другой популярный фразеологизм, пудрят мозги.

– Так как, простите, ваша фамилия? – перебила собеседника она.

– Савельев. И если вы мне не доверяете, то совершенно зря. Хотите, я покажу вам паспорт?

– Покажите.

Старик полез во внутренний карман, но тут же сокрушенно проговорил:

– Черт, оставил в гостинице.

– Отправились к адвокату без документа? Странно.

– Мне восемьдесят четыре года. Что вы хотите? – Он начал раздражаться и нервничать.

– А как же стопроцентная память?

– Лина вела дневники, там наверняка есть что-то обо мне. Прочтите, убедитесь.

– Хорошо, я так и сделаю. – Аня поднялась с лавки. – Мне пора.

– Но я не ответил на ваш последний вопрос. Вы хотели узнать, что за сокровище завещала мне Лина.

– Поскольку она вам ничего не завещала, то вопрос снимается, – выпалила Аня и торопливо зашагала к подъезду.

– Постойте, прошу.

– Я позову охрану, если вы не отстанете, – разозлилась она.

Старик тут же ретировался, а Аня скрылась в подъезде.

* * *

Поднявшись в квартиру, Аня присоединилась к Данилке и тоже выглянула во двор. Андрея Геннадьевича видно не было, но это ничуть не успокаивало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.